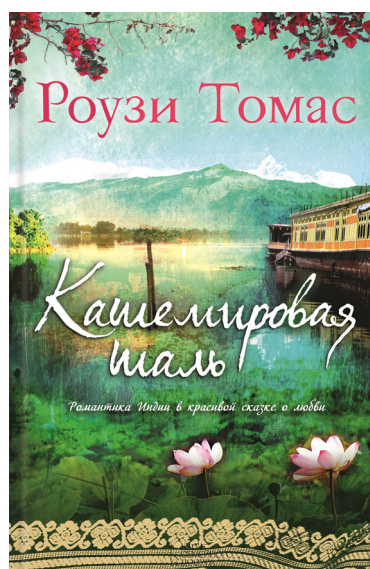

Роузи Томас

Кашемировая шаль

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2011

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

Томас Р.

Кашемировая шаль / Р. Томас — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2011

Романтическая история любви в стране цветов и ароматов! Середина XX века. Вместе с мужем#священником Нерис отправляется в далекую прекрасную Индию. Попав в эту сказочную страну, девушка открывает для себя новый мир... В ее сердце вспыхивает страсть к удивительно обаятельному и загадочному мужчине – актеру Райнеру. Нерис придется выбирать между суровым долгом и безумной любовью...

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

© Томас Р., 2011
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2011

Содержание

Роузи Томас	5
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	44
Глава 5	53
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Роузи Томас Кашемировая шаль

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Впервые опубликовано на английском языке издательством HarperCollins Publishers Ltd под названием The Kashmir Shawl

Переведено по изданию:

Thomas R. The Kashmir shawl: A Novel / Rosie Thomas. – London: HarperCollins Publishers, 2012. – 512 p.

© Rosie Thomas, 2011

© Sarah Perkins, обложка, 2014

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2014

Моему отцу

*В горах овца была нежнее, Но та, в долине, пожирнее. Поэтому
решили смело: Овцу вторую пустим в дело.*

Глава 1

В последний день, проведенный ими в старом родительском доме, Меир сделала потрясающее открытие.

Они сидели наверху, в спальне отца. Они собрались вместе, чтобы закончить навешиваемое грусть дело: разобрать вещи родителей и накрыть чехлами мебель. А затем, в последний раз заперев входную дверь, отдать ключ агенту по недвижимости. Был конец мая. Пару дней назад ягнят отвезли на рынок. Овцы на холмах блеяли громко, дико, не умолкая ни на секунду, их тревожные крики вместе с ароматом весенних трав приносил ветер.

Меир приготовила чай и отнесла его наверх сестре. Их брат Дилан следовал за ней по пятам. Ему приходилось нагибаться на лестнице, чтобы не встретиться лбом с низкими балками.

Как всегда, в Эйрлис энергия была ключом. Одежда и подушки были разложены аккуратными стопками, высокие башни, выстроенные из картонных коробок, были укреплены шуршащими черными пакетами. Она стояла у изножья кровати и, хмурясь, вычеркивала что-то из блокнота.

Можно было подумать, что сейчас она совершает обход в больнице, не хватало только белого халата и свиты подчиненных.

– Спасибо, – пробормотала она. – Там не ставь, – добавила.

Дилан взял чашку и примостился на подоконнике. Он заслони́л свет и заслужил гневный взгляд Эйрлис.

– Выпей чаю, – миролюбиво предложил он. – Можешь побезумствовать и съесть печенье.

Меир села на кровать. Розовое электрическое одеяло все еще лежало там. Меир вспомнила последние дни отца, как она приехала в долину и ухаживала за ним. Хотя единственное, что она могла сделать для него, – это сидеть рядом и разговаривать. Они наслаждались долгими неспешными беседами о прошлых временах и людях, которых когда-то знал отец.

– Я тебе рассказывал о Билли Джонсе? Аукционисте?

– Кажется, нет.

– Он заикался.

– Как он тогда вел аукцион?

Отец взглянул на нее поверх очков.

– Знаешь, в те времена мы никуда не торопились.

Старик сидел в комнате с низким потолком. Он казался таким близким, понятным и одновременно далеким и отстраненным. Эйрлис сортировала вещи на те, которые необходимо будет отнести в ближайший пункт приема благотворительной помощи, и те, которые следовало оставить дома и выбросить вместе с ненужной мебелью. Возник спор по поводу льняных простыней, которые, сколько они себя помнили, хранились в комод в ожидании лучших времен. Вероятно, это было одно из распоряжений матери. Но когда сестры развернули первую попавшуюся простыню, они увидели, что ткань посередине истончилась настолько, что беспрепятственно пропускает дневной свет. Эйрлис скривила губы и отправила всю стопку в мешок с мусором.

Косые лучи солнца падали на свитер Дилана, подсвечивали ворсинки, и казалось, будто вокруг него возник золотистый ореол. Меир поняла, что она не может просто сидеть и безвольно наблюдать за тем, как мысли о прошлом захлестывают их всех. Она резко поднялась и подошла к комоду, стоявшему возле кровати. Их мать унаследовала его от собственной матери – Меир хорошо помнила эту историю. После смерти Гвен Эллис в комод хранили ее одежду. Она лежала там до тех пор, пока вдовец и старшая дочь Гвен не почувствовали в себе

достаточно сил, чтобы раздать вещи. Пара верхних ящиков уже была пуста. Эйрлис даже отодрала бумагу, которой был оклеен ящик. В среднем еще совсем недавно лежали жилеты, брюки и свернутые конвертиком рубашки отца. В последние дни он был совсем слаб, и Меир помогала ему одеваться. В тщетной надежде согреть старые косточки она несколько минут держала белье над электрическим камином и только потом вручала ему. Теперь все это бесформенной кучей лежало на полу.

– Это тряпье отправится в мусор, – кивнула Эйрлис. – Больше ни на что не годно.

Меир открыла нижний ящик. Там лежало несколько пожелтевших наволочек и скатерть, украшенная вышивкой в стиле «ришелье». Ее доставали только раз в году, чтобы накрыть рождественский стол. Некогда белую скатерть покрывали бурые пятна. Меир запустила пальцы под ткань и нащупала тонкую оберточную бумагу. Она подняла скатерть, чтобы посмотреть, что лежит на самом дне. Бумага была старой и измятой. Когда она развернула сверток, первым, что бросилось в глаза, был яркий, прекрасный цвет. Серебристо-голубой с зелеными разводами – такой цвет бывает у озерной воды под весенними небесами – и взрывами лавандового оттенка, и ярко-красными, сочными лотосами. Она залюбовалась тонким узором, роскошными турецкими «огурцами», листьями папоротника и россыпью крошечных цветков с пятью лепестками. Меир встряхнула тонкую шерстяную шаль. В комнате было тихо, за окном все так же отчаянно блеяли овцы. Шаль была почти невесомой. Прекрасная вещь. Меир раньше не видела ее. Из складок шали выпал конверт. Старый, коричневый, самый обычный конверт. Согнут ровно посередине, клей на клапане давно высох и растрескался. Меир осторожно открыла его. В конверте лежала прядь волос. Темно-каштановые волосы с яркими медными нитями-волосинками, шелковистые и блестящие. Она бережно взяла их двумя пальцами.

– Это шаль бабушки Уоткинс, – пояснила всезнающая Эйрлис.

– Какая красивая! – прошептала Меир.

Ни Дилан, ни Меир не застали бабушку живой, только Эйрлис знала ее, но почти не помнила. Мама их мамы умерла, когда Эйрлис была совсем маленькой. Они знали только то, что бабушка была замужем за миссионером и долго жила в Индии. Потом супруги вернулись в Уэльс и, когда Нерис было за сорок, родили первого и единственного ребенка. Это была Гвен. В девятнадцать лет она вышла замуж за симпатичного соседа Хью Эллиса. Она часто повторяла, что меньше всего ей хотелось, чтобы ее дети росли с престарелыми родителями. По ее словам, это отнюдь не весело.

– Как думаешь, чьи это волосы? – поинтересовалась Меир.

– Понятия не имею, – ответила Эйрлис.

Меир призадумалась: бабушка не стала бы хранить собственные волосы, верно? К тому же волосы бабушки были гораздо светлее. И это не волосы деда. Значит, детские? И на детские не похоже. Тогда чьи? Вопрос интересный, но у нее не было ответа. Она прижала шаль к щеке. Ткань была тонкой и мягкой, если скомкать, эта вещичка могла уместиться у нее в кулаке. Меир почувствовала слабый аромат специй.

– У нас еще масса дел, – сказала Эйрлис, допив чай.

Меир задумчиво вернула локон в конверт. Позже, закончив заклеивать коробки, они втроем уселись за кухонный стол. Задняя дверь стояла нараспашку, мошки плясали на легком ветерке. Сумерки сгущались, овцы начали блеять еще громче и жалобнее. Дилан открывал бутылку вина, Меир засунула в микроволновку несколько картофелин и принялась резать ветчину. Дилан купил печь для папы; Хью разогревал в ней готовые обеды из супермаркета. Почему-то они казались ему очень вкусными. Эйрлис категорически возражала: все знают, что в таких наборах полно жира и соли! Микроволновка пикнула, Меир достала готовый картофель. Если бы папа сейчас был с ними, он бы моргнул и, тяжело дыша, поднялся со стула. Непрошенные слезы навернулись на глаза. Все понимали: это последний раз,

когда они все вместе сидят в старой кухне. Меир решила не усугублять ситуацию и больше не плакать. Она улыбнулась брату. Дилан закончил возиться с вином и сидел, сунув руки в карманы. Затем он посмотрел на Эйрлис. У нее подозрительно блеснули глаза за стеклами очков.

– Поедим в другой комнате? – предложила Меир.

Стол в столовой был больше, чем небольшой кухонный с откидной столешницей, за которым часто сидел их отец с чашкой чая и свежей газетой. Воспоминания утонули в привычной суете: они ели, искали тарелки, вилки, находили какие-то вещи, которые забыли отправить в коробку. Дилан нашел огарок свечи, Эйрлис зажгла его и поставила в блюдо. Живой огонь вернул оголенной комнате вид семейного гнездышка. На стенах едва-едва проступали темные квадраты, оставшиеся после фотографий.

– Давайте поговорим о хороших вещах, – сказала Эйрлис, когда они расселись.

На секунду Меир подумала, что речь идет о счастливых временах, которые они провели все вместе, и необыкновенные чувства захлестнули ее. А потом она поняла, что сестра имела в виду несколько стульев и старое столовое серебро – все, что имело хоть какую-то ценность. Сам дом, согласно завещанию, будет продан, а вырученная сумма поровну разделена между ними. О безделушках они даже не заговаривали. Еще были дедушкины часы с маятником. Их громкое тиканье сопровождало бесконечно длинные дни их детства. Солнце и луна, нарисованные на циферблате, наблюдали за ними. На прошлой неделе Хью назвал эти часы «часами Дилана». Меир сознательно проигнорировала эти слова, поскольку не хотела понимать, что они означают.

– Дилан, заберешь часы? – спросила Эйрлис. – Меир?

И Дилан, и Эйрлис были семейными людьми, у них были дома с альковами, холлами, полками и всем остальным. Меир была одинокой и счастливо жила в съемной однушке. Ей не нужны были ни комод мамы, ни ее серебряный чайник. В доме Эйрлис этим вещам будет лучше. Меир отложила в сторону нож и вилку.

– Можно я возьму бабушкину шаль? – спросила она. – Если вы не против.

– Конечно возьми, – кивнула Эйрлис. – Дилан?

Он посмотрел на Меир. В последнее время морщинки в уголках его глаз стали глубже. У Дилана и Эйрлис была близорукость, к тому же брат имел привычку щуриться. Меир любила брата. Эта любовь окутывала ее, как толстое шерстяное одеяло. Дилан был верным ее союзником, а с Эйрлис они постоянно ссорились. В основном потому, что были полными противоположностями. Но большинство ссор осталось далеко позади. Смерть любимого отца сблизила сестер, заставила быть более внимательными друг к другу.

– Знаешь, откуда она могла взяться? – спросил Дилан.

– Нет, но я хочу узнать, – сказала Меир.

Мысль была настолько спонтанная, что Меир едва сообразила, что говорит. Она не переставала себе удивляться: прежде никакая вещь не вызывала в ней столько любопытства, как эта шаль.

Этой ночью Меир и Эйрлис в последний раз улеглись спать в своей детской. Меир была уверена, что сестра не спит, хотя она, в отличие от самой Меир, лежала тихо и не крутилась на сырых простынях. В конце концов Меир не выдержала и прошептала:

– Эйрлис, ты спишь?

– Нет.

– О чем думаешь?

– Наверное, о том же, что и ты. наших родителей больше нет. Знаешь, это все меняет. Теперь вся ответственность на мне, потому что впереди никого нет. Понимаешь, о чем я?

В этот момент Меир поняла, что любит сестру не меньше, чем брата. Эйрлис всю жизнь была ответственной. Училась в медицинском на стипендию, недавно получила место кон-

сультанта при больнице в Бирмингеме, а еще находила время для мужа и двух сорванцов. Всю жизнь она училась и заботилась о других людях, и получалось так, что и последний этап жизни только добавит ей хлопот. Меир подумала: «С самого детства я не иду тем путем, который до меня прошли сестра и брат».

Она не поступила в престижный университет, сбежала в семнадцать лет из дому, чтобы выполнить давнее обещание (это была шутка-угроза) присоединиться к странствующему цирку. В итоге в цирке «Флойд» она встретила Харриета Хейса, или клоуна Хэтти. Вместе они исполняли простые трюки на трапеции. Выступления в цирке были так давно, что казались событиями прошлой жизни, но с тех пор они с Хэтти остались хорошими друзьями. Потом Меир работала менеджером в магазине одежды, секретарем, PR-менеджером, помощником медсестры, продавала книги, пела в группе – много чем занималась. Не всегда все складывалось успешно, но всегда работа приносила ей удовольствие.

«Нет, даже Хэтти не назовет меня ответственной, – подумала она. – А взгляд Хэтти на мир куда шире, чем у Эйрлис».

Ее сердце застрекотало в груди, перед глазами заплескали белые сполохи, тело стало легким как перышко, и Меир осознала, что *свободна*. Ей захотелось удержать это благословенное ощущение, но больше всего хотелось, чтобы сестра почувствовала то же самое. Ее рука потянулась к шали.

– Да, я понимаю, – сказала Меир. – Эйрлис, я тут подумала... Я хочу уехать. Стало быть, папа ушел, остались мы одни. Я хочу съездить в Индию, может, узнаю что-нибудь о бабушке и ее шали. Может, разгадаю какую-нибудь семейную тайну. Поедешь со мной? Побудем вместе, в последнее время мы мало общались.

Несколько секунд Эйрлис размышляла над ее предложением.

– Я не могу. Больница. Моей команде будет сложно, учитывая недавние сокращения. А кто присмотрит за Гремом и детьми? Ну а ты поезжай, если действительно хочешь. Я заметила, как ты смотришь на эту шаль.

Меир прекрасно понимала: сестру не переубедить. Упрямства Эйрлис хватило бы на двух человек.

– Думаю, это может быть интересно, – сказала Меир.

После смерти отца в ее душе поселилась смутная тревога, но она не решалась напрямую поговорить об этом с сестрой. Жизнь Эйрлис и Дилана была устроена, чего нельзя сказать о ее собственной жизни. Возможно, расследование семейной тайны поможет ей обрести свое место в этом мире.

– Ты можешь ничего не узнать. Индия – большая страна. Но тебе нужен отдых и смена обстановки. Горевать можно по-разному. А ты больше всего заботилась о папе. Мы с Диланом очень благодарны тебе за это.

Меир часто заморгала, но она не проронила ни единой слезинки. После похорон сестра даже упрекнула ее в том, что она напрасно тратит душевные силы на показное мужество. Эта шпилька больно кольнула Меир, но сейчас она подумала, что горе действительно может принимать разные формы. Эйрлис, например, стала более язвительной. А значит, ее доброта стала более трогательной и ценной.

– Мне было приятно. И хорошо, что у меня было свободное время, – пробормотала Меир.

– Не переживай. Отдохни, съезди в Индию. Если тебе нужен повод, пусть эта шаль будет поводом, – подытожила Эйрлис. – Давай спать.

Снаружи наконец перестали блеять овцы. Меир знала почему. Едва настала ночь, даже самые несообразительные овцы поняли, что их ягнята больше никогда не вернутся к ним. Иногда луг оглашал одинокий крик, но стадо оставалось безмолвным.

Меир проснулась на узкой кровати и попыталась сообразить, где она находится. Ей снились собаки. Они лаяли на овец, те недовольно жались друг к другу. Овчарки бродили по отаре, проверяя, все ли в порядке, а потом неслись по лугу к самому горизонту. Солнечный свет озарил склон холма. Овцы живым потоком заструились по серо-зеленой траве, украшенной турецкими «огурцами». Овчарки гнали их к воротам, которые услужливо распахнул фермер, нарушив целостность высокой каменной изгороди.

Во сне виды родных мест смешивались с диковинными пейзажами неизвестных стран. В комнате было холодно. Меир поежилась и плотнее закуталась в одеяло. В этот момент через закрытые ставни донесся первый призыв муэдзина.

По коже пробежали мурашки. Меир дрожала от холода и нетерпения.

Она вспомнила. И широко открыла глаза.

За окном едва серел рассвет. Гостиничный номер был тесным, везде в беспорядке валялись вещи. Вчера вечером она переворошила все свои сумки в поисках теплой пижамы и носков. Внезапное отключение электричества едва ли способствовало ее поискам. Но шаль была в безопасности – висела на спинке единственного стула. Утреннего света было недостаточно, чтобы оживить все буйство красок, но Меир без труда могла представить эту красоту. Наконец она выбралась из-под одеяла и села на кровати. Было очень рано, но сон как рукой сняло. Меир решила, что первый день она будет отдыхать и привыкать к новому климату.

На завтрак она спустилась в неприветливую гостиничную столовую, там почти не было посетителей. Поев, она принялась собираться для выхода в город. В сумку отправилась карта, которую ей вручил улыбчивый администратор гостиницы. По всей видимости, он принадлежал к ладакхи¹. За картой последовали бутылка минеральной воды, антибактериальный гель и тщательно вымытое яблоко. Меир очень нервничала, у нее то и дело перехватывало дыхание. И горный климат не был тому виной. Она никогда не была в Индии, не отдыхала на популярных пляжах Гоа, не осматривала достопримечательности Джайпура. И вот вместо безопасных туристических мест ее занесло в отдаленный городок в Гималаях. Меир часто говорила о своей независимости, но на самом деле почти никогда не путешествовала в одиночку. Если удавалось, праздники или выходные дни она обычно проводила в Греции или Испании со своим новым бой-френдом или присоединялась к компании друзей, среди которых обязательно был Хэтти. Эйрлис часто говорила, что Меир отдыхает точно так же, как и работает, – спонтанно и беспорядочно.

Меир улыбнулась своим мыслям и заперла дверь номера. Она была свободна. Впереди были дни и недели, которые она могла провести по своему усмотрению. У нее были деньги (от продажи старого дома в Уэльсе) и время, чтобы обдумать свой странный творческий проект, который месяцами не давал ей спокойно спать. Даже Хэтти не знал о ее задумке. Меир просто не находила слов, чтобы описать то, что творилось у нее в голове. Но самый неопределенный из всех ее неопределенных планов занес ее сюда, в Лех², и у нее на руках был такой же неопределенный билет домой, с открытой датой, который ничем не мог ее утешить.

Бетонная дорожка с цветником по обе стороны, где росли циннии, космеи и безвкусные ноготки, вывела Меир на улицу. Она направилась к центру города. Все вокруг казалось ей восхитительным и прекрасным. Приближался октябрь. Осенью заканчивался короткий туристический сезон. Закрывались сувенирные лавки, во многих туристических агентствах были опущены металлические жалюзи на окнах – помещения готовили к зиме. Интернет-кафе и мелкие магазинчики, которые летом пользовались большой популярно-

¹ Ладакхи – народ, проживающий на северо-востоке штата Джамму и Кашмир в Индии. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

² Лех – столица гималайского княжества Ладакх, в настоящее время центр округа в индийском штате Джамму и Кашмир.

стью у туристов, уже закрылись. Горные пики, возвышающиеся над городом, сверкали новым снегом, а тополя шелестели сухой золотой листвой.

Через месяц придут настоящие снега, и высокогорные перевалы, соединяющие столицу Ладакха и Кашмирскую долину на западе и Химачал-Прадеш³ на юге, будут недоступны. До самой весны. Шесть долгих месяцев добраться до Леха можно будет только по воздуху. Меир прилетела сюда из Дели. Гуляя по городу, она пыталась представить, как выглядят эти улицы в середине зимы. Наверное, сугробы наметет до самых окон, а на крышах будут громоздиться тюки с соломой для животных. Но ее отвлекли от размышлений. Ввиду неизбежного исчезновения туристов местные торговцы с удвоенной силой старались заработать свои последние рупии. На главной улице ее окружили три продавца.

– Хелло, мадам, вы откуда? Заходите в мой магазин, пожалуйста.

– У меня самая красивая пашмина. Только для вас – по специальной цене.

Третий мужчина обиделся, когда она отрицательно мотнула головой, и недовольно произнес:

– Хоть посмотрите! Смотреть бесплатно, мадам. Куда вы торопитесь?

Меир действительно никуда не торопилась. Улыбнувшись, она зашла в ближайший магазин и позволила продавцу продемонстрировать свои сокровища. Там были тибетские серебряные подносы, украшения с кораллами и бирюзой, китайские термосы и пушистые одеяла ярких оттенков. А еще шляпы и жилеты из козьей шерсти, шерстяные сумочки с разноцветными кисточками, стопки футболок всевозможных цветов и размеров. На футболках красовалась вышивка и слоган «Як! Як! Як! Ладакхи!» Меир быстро привыкла к полумраку магазина. Возле дальней стены она различила ряд самоваров, медные подносы, расшитые шерстяными нитями коврики.

– Очень мило. Спасибо, что показали. – Меир твердо решила ничего не покупать.

Но мужчина был кашмирцем, а значит, прирожденным торговцем.

– Вам нужна пашмина! – уверенно заявил он.

Дальний угол магазина от пола до потолка занимал шкаф, до отказа забитый разноцветными изделиями.

– Покажите.

Продавец немедленно начал доставать с полок шали. На крошечном прилавке засияли тысячи цветов. Тысячи оттенков желтого, голубого, розового.

– Видите? Потрогайте! Лучшее качество. Чистая пашмина.

Теперь Меир хорошо разбиралась в кашемире. После того как к ней в руки попала прекрасная шаль (надежно запертая в гостиничном сейфе), Меир постаралась как можно больше узнать о пашмине, и ей было известно, каким должно быть качество, она могла прикинуть стоимость.

– Чистая? – спросила она. – Правда?

– Да, чистый шелк и шерсть. Тысяча двести рупий. Примерьте вот эту розовую или бирюзовую. Скоро Рождество. Это отличный подарок вашим друзьям. Отдам три штуки за три тысячи.

– У вас есть кани, шали с вышивкой?

Торговец внимательно посмотрел на нее.

– У мадам отличный вкус. Сейчас найду.

Он открыл комод и достал новый ворох ярких изделий. Как фокусник, торговец разворачивал перед Меир все новые и новые шали. Она взяла в руки одну и залюбовалась сочным цветочным узором в темно-красных тонах. Затем набросила шаль на плечи.

– Вам очень идет, – одобрил кашмирец. – И цвет вам к лицу.

³ Химачал-Прадеш – штат (с 1971 г.) на севере Индии.

Эта шаль не шла ни в какое сравнение с бабушкиной. Ткань была грубой, цветы – какими-то шершавыми на ощупь и неаккуратными. Эта шаль висела, как кухонное полотенце, а ее – ниспадала красивыми складками. Меир не могла определить, как именно был сделан узор, но большие промежутки между нитями разных цветов наводили на мысль о дешевой машинной вязке.

– Спасибо, – пробормотала она.

– Девять тысяч. Очень дешево. – Продавец уже знал, что она ничего не купит. – А вот это вышитая шаль ручной работы.

Он подал Меир темно-синюю шаль с белыми цветами. Узор, несомненно, был выполнен вручную, но очень неумело, нити на изнанке ложились неровно, кое-где между стежками виднелась ткань основы. Ее шаль была совершенно другой: крошечные цветы вышиты нитками того же оттенка, что и основа, а стежки – очень мелкие, невооруженным глазом их было не заметить. Лицо и изнанка ничем не отличались. Вышивка обрамляла основной узор из турецких «огурцов», создавая эффект объема и глубины.

– Очень мило.

У продавца был оскорбленный вид. Меир торопливо вышла из душной лавочки на яркий солнечный свет. Она выбрала первые попавшиеся серьги со стенда у двери, быстро расплатилась и наконец сбежала от продавца.

– Заходите еще! – бросил тот ей вдогонку.

Два других продавца снова потянулись к ней, но без особого энтузиазма. Меир без труда ускользнула от них и продолжила свой путь по пыльной улице. На тротуаре сидели женщины с корзинами, доверху наполненными яблоками и цветной капустой. На углу расположился чистильщик обуви. Он всячески пытался привлечь внимание Меир, хотя ее потрепанным кедам щетка и воск были совершенно ни к чему. По ухабистой дороге с грохотом неслись скутеры и рикши. Шум стоял просто невероятный. Меир наугад выбрала тенистую боковую улочку и нырнула туда. На непрошеную гостью вылупилась шелудивая собака. Но здесь было прохладно, и Меир продолжила свой путь мимо парикмахерских и мясных лавок. На деревянных прилавках лежали козьи головы, под ними медленно растекались лужи крови. Над прилавком жужжал какой-то приборчик, напоминающий раздвоенный змеиный язык с моторчиком. Наверное, он отгонял мух от мясных обрезков. От этого зрелища Меир стало не по себе. Она достала из сумки бутылку с водой, сделала большой глоток и поспешила дальше.

Улочка становилась все уже и темнее, под ногами чавкала жижа из гниющих овощных отходов и еще чего-то совсем непонятного. Женщина в сари обогнала ее и прошмыгнула вперед; навстречу, так же торопливо, шла женщина в хиджабе. Торговцы зазывали в свои магазины, на обочине шумно играли дети. Все занимались своими привычными делами. В этот момент Меир остро почувствовала свою чуждость этому месту. Здесь она была обычной туристкой.

Улочка вывела Меир на небольшую площадь. В одном ее углу стоял коричневый бычок и с гастрономическим интересом присматривался к куче тлеющих отходов. В другом находился позолоченный молитвенный барабан под темно-красным деревянным навесом. От толпы отделился пожилой монах в желто-оранжевых с пурпуром одеждах. Он подошел к барабану и покрутил его по часовой стрелке. После, бормоча молитвы и перебирая бусины четок, удалился. Меир сфотографировала его и тоже продолжила путь. По всей видимости, улица примыкала к базару: чем дальше продвигалась Меир, тем больше становилось лотков с кроссовками и коричневыми шлепанцами. Над головой появились гирлянды из рюкзаков и сумок. На электрических проводах висели детские платья из яркой ткани с огромным количеством блесток. Сквозь все это добро просачивался сизый дым, источником которого была печь в продовольственном киоске. Возле него Меир впервые увидела семейство Беккер.

Эта тройца где угодно выглядела бы необычно, но тут, среди хаоса индийского рынка, их появление вызвало почти религиозный трепет. Они были первыми европейцами, которых Меир встретила вдали от центральной улицы. Женщина была высокой, стройной, с молочно-белой кожей. Огненно-рыжие выющиеся волосы ниспадали на плечи. На ней была свободная белая футболка и синяя юбка с оборками. Она говорила, смеялась, на что-то показывая пальцем. Мужчина, сопровождавший ее, смотрел в другую сторону. Высокий, загорелый, с черными как смоль волосами и небольшой бородкой. Между ними резвилась маленькая девочка. Хорошенькая, как ангел. У нее были мамины курчавые волосы, только цвет – пшеничный. Девочка подняла вверх крошечные ручки и закричала:

– Кари!

Женщина рассмеялась. Затем остановилась и взяла дочь на руки. Перехватила ребенка поудобнее и бодро направилась к лотку с едой. Над чаном с кипящим маслом дрожал горячий воздух. Девочка играла волосами матери и, прячась от взглядов прохожих, зарывалась лицом в великолепные локоны. Мужчина ни на шаг не отходил от жены и дочери. Из чана уличный торговец выудил карамельно-коричневые загогулины, насыпал немного в бумажный пакетик и отдал женщине в обмен на несколько рупий. Женщина взяла одну завитушку, подула на нее и дала ребенку. Девочка с удовольствием надкусила лакомство. Женщина запрокинула голову и отправила несколько штук себе в рот. Она энергично жевала и смеялась, вытирая капельки масла с подбородка. Она светилась здоровьем и удовлетворением. Свободной рукой она коснулась бедра мужа, и рука задержалась там. Этот жест был собственническим, любовным, интимным и, очевидно, привычным. Она уводила мужа от прилавка и от испытующих взглядов Меир, хотя вряд ли кто-то из них обратил на нее внимание. Чудная тройца направились вглубь базарного лабиринта. Меир долго смотрела им вслед. Огненно-рыжее пятно, рядом – черное как смоль и светлая точка посередине. Потом они свернули за угол и пропали из виду.

Меир стояла как прикованная, хотя ее первым желанием было побежать за семейством. Продавец забросил в чан новую порцию таинственных загогулин. Масло зашипело.

Посреди шумного базара в толпе незнакомых людей Меир почувствовала себя очень одинокой. Конечно, у нее много друзей, было достаточно любовников, но не было никого, с кем она хотела бы провести остаток жизни. У Эйрлис были Грем и дети, у Дилана – Джеки, у нее – никого.

Меир заставила себя сделать глубокий вздох. От густого аромата защищало в носу. Рядом протопала корова, куры взбирались на кучу мусора, буддийский монах снова подошел к молитвенному барабану, люди все шли и шли – нескончаемым потоком по только им ведомым делам. Цвета, запахи, свежие впечатления заполнили голову. Настроение вновь подскочило до наивысшей отметки. Меир бодро зашагала дальше. Чудесное семейство свернуло направо, ну а она выбрала улочку, уходящую влево.

* * *

Поездка в Чангтанг⁴ заняла весь остаток дня. Небольшой автобус вез туристов на восток от Леха, к самой границе с Тибетом, правда, сейчас это была граница Китая. Вместе с Меир в обзорную экскурсию отправились две пожилые супружеские пары из Дании и трое мальчиков, по всей видимости, из Израиля. Дети вели себя шумно и были настроены крайне недружелюбно. Они оккупировали заднюю часть автобуса, слушали громкую музыку в наушниках МРЗ-плееров и с гоготом подпрыгивали на сиденьях всякий раз, когда

⁴ Чангтанг – высокогорное плато в западном и северном Тибете, включает юго-восточные области Ладакха, обширные плоскогорья и огромные озера.

автобус подбрасывало на ухабе горной дороги. У Меир было предостаточно времени, чтобы подумать. Перед поездкой она постаралась больше узнать о своих бабушке и дедушке. Три месяца назад в книге под названием «Надежда и слава Господа. Валлийские миссионеры в Индии» она прочитала главу о преподобном Эване Уильяме Уоткинсе (1899–1960).

Эван Уоткинс получил образование в Университетском колледже Северного Уэльса и Колледже пресвитерианской церкви Уэльса. В 1929 году, сразу после рукоположения, он отправился с миссией в Индию, в город Шиллонг, который тогда был столицей штата Ассам. Вскоре после этого Уоткинс был переведен в миссию Чангтанга. Читая биографию дедушки, Меир пыталась представить, как суровый священник в черной сутане храбро проповедует неконформизм⁵ в отдаленной индийской деревушке. Интересно, к чему он призывал в своей импровизированной часовне? И как звучала его проповедь под звуки муссонных дождей? С тех пор как Меир приехала в Гималаи, она пыталась представить себе деятельность деда, но пропасть между культурами была столь велика, что картинка никак не складывалась в ее голове.

Согласно статье, преподобный Уоткинс вернулся в Уэльс в 1938 году, где женился на Нерис Эвелин Робертс, рожденной в 1909 году. В 1939 году Уоткинс с супругой отбыл на борту парохода «Надежда» из Ливерпуля в Бомбей. Вот эту картину было легко представить. Меир видела, как над Суэцким каналом садится солнце, слышала звуки оркестра, играющего в танцзале для пассажиров второго класса. Наверное, священник мало интересовался танцами, но любопытно, разделяла ли его взгляды юная миссис Уоткинс? Может, она сидела в плетеном кресле, пила свой лимонад и наблюдала за танцующими парами с легкой грустью во взгляде. Вскоре преподобному Эвану и миссис Уоткинс поручили заботу о новой миссии в Лехе и сделали ответственными за всю работу в Ладакхе. Биограф также отметил, что семь месяцев в году этот регион отрезан от остального мира и что здесь почти не используют электричество.

Меир смотрела на фантастический пейзаж, открывавшийся за окном автобуса. Серо-фиолетовые горы вгрызались в темно-синее небо. Насыпная дорога зигзагами уходила к далекому перевалу, затерявшемуся между горными пиками. По дороге неслись грузовики с ярко разукрашенными, как ярмарочные фургоны, кузовами. Маленькие фигуры священника и его жены по-прежнему не вписывались в этот пейзаж. Дальше в статье не было ничего интересного. После войны плохое здоровье заставило священника вернуться в Уэльс. Эван Уоткинс сохранил интерес к миссионерской работе, но его здоровье так и не восстановилось после сурового климата Индии, и в 1960 году он умер, оставив безутешными вдову и дочь. Этой дочерью и была мать Меир, Гвэн Эллис, в девичестве Уоткинс.

Гвэн умерла внезапно от кровоизлияния в мозг, когда Меир была еще подростком. Меир очень сожалела об этом, поскольку сейчас у нее не было никакой возможности узнать у мамы о жизни бабушки и дедушки в Индии.

Автобус остановился у придорожного киоска, где продавали чай и сладости. Подростки тут же выскочили наружу, едва не сбив с ног пожилую пару из Дании. Меир тоже решила размять затекшие ноги.

– Вы откуда? – спросила датчанка, когда они, купив по стаканчику сладкого чая из термоса торговца, вернулись в автобус.

В этот момент мимо них проехала колонна военных грузовиков. Пограничники. Молодые солдаты с любопытством смотрели на туристов. Вместо того чтобы ответить привычное «Англия», Меир неожиданно для себя выдала:

– Северный Уэльс.

⁵ Неконформизм – британское теистическое течение, не признающее учения и обрядов государственной англиканской Церкви (пресвитериане, конгрегационисты, методисты и др.).

На самом деле сейчас она жила в сонном городишке на южном побережье, рядом были Хэтти, друзья и последнее место работы. Город, в котором она выросла, облюбовали бизнесмены из Манчестера. С этим городом ее мало что связывало, кроме брата, сестры и воспоминаний. Но детство, жизнь в долине крепко засели в ее голове. Она скучала по дому и жалела, что больше никогда не сможет туда вернуться. Меир подумала, что бабушке и дедушке было очень нелегко в чужой стране.

– А вы откуда? – поинтересовалась она.

– Копенгаген. В отпуске?

– Да. Путешествую. – Меир положила рюкзак на колени.

– Дороги здесь ужасны. Моего мужа постоянно тошнит, – вздохнула женщина.

Кому-то в автобусе стало плохо. Мальчишки нашли это очень смешным.

Автобус преодолел еще один высокий перевал, и перед пассажирами открылся вид на широкую долину. Целью путешествия было большое плато, расположенное к северу от горных хребтов. Географически это была часть Тибетского нагорья, но административно территория принадлежала Индии. Чангтанг населяли кочевники, пришедшие сюда с востока Ладакха. Они занимались выпасом коз и изготовлением изделий из шерсти. Сражаясь с холодом высокогорья, животные оделись в «броню» самого теплого и легкого меха. В поисках скудного корма кочевники весь год двигаются за своими стадами. Козы едят чистую пищу, пьют незагрязненную отходами жизнедеятельности человека воду, поэтому их шерсть тоже очень чистая. Меир читала, что здесь получают лучший в мире пашм – подшерсток горных коз, из которого делают кашемир. Она была уверена в том, что ее драгоценная и загадочная шаль появилась на свет именно на этом плато.

Когда она наконец добралась до своей палатки в туристическом лагере, то первым делом открыла рюкзак и еще раз осмотрела шаль в свете небольшой лампы. Мягкие волны ткани все еще распространяли слабый аромат специй. Теперь Меир знала, что это аромат самой Индии. Главным элементом узора был веер из павлиньих перьев, его окружала узорчатая рамка, пространство между нею и веером было заполнено прекрасным мотивом из турецких «огурцов», а снаружи рамки и до самых краев шаль была вышита великолепным цветочным узором. Некоторые элементы – крохотные цветы – были вышиты так, что это создавало эффект парчовой ткани. Шаль действительно была прекрасна, но время оставило на ней свой след: местами нити тканного узора были выдернуты, виднелись некрасивые зацепки и заломы. Шаль десять лет пролежала в сложенном виде, и вышивка на местах сгибов очень пострадала. К тому же один угол шали был испачкан чернилами, другой – чем-то желтым. Меир разложила шаль на коленях, кончики пальцев блуждали по замысловатым линиям узора. В этот момент ей казалось, что перед ней развернута карта с загадочными письменами.

Рано утром, едва рассвело, местный гид поднял всю компанию из постелей и повел вверх по горной тропе, едва различимой, поскольку она петляла между огромными серыми валунами. Вскоре дошли до берега озера. Водная гладь была покрыта коркой льда, земля – припорошена снегом. На краю озера стояло несколько одноэтажных домов, даже не домов – хижин, приютившихся под высокими тополями. Длинношерстные яки неторопливо шагали между скалами. Приближалась зима, и кочевники чангпа спешили увести свои стада с отдаленных пастбищ высоко в горах. Внизу, возле озера, уже были готовы низкие каменные заборчики и навесы из войлока. Зимой они будут защищать погонщиков и скот от лютых морозов и ветров. Из вентиляционных отверстий в крышах хижин валил густой дым. Женщина несла полные ведра воды из ручья.

Козы воняли. Другого слова и не подберешь. Стойбище кочевников «благоухало» керосином, навозом и дымом, но все эти запахи перебивала жуткая вонь коз.

Для туристов приготовили шоу. Трое погонщиков в грубых войлочных одеяниях и сапогах из кожи яка вывели несколько коз на огороженную каменной стенкой площадку. Меир натянула шапку на уши – ветер стал холоднее. Ей казалось, что она слышит, как, растаясь, трещит лед на озере. Знаменитые кашмирские козы оказались лохматыми существами с длинной бело-коричневой шерстью и изогнутыми рогами. Они с тревогой смотрели на людей своими черными миндалевидными глазами. Коз стреножили и уложили на бок. Мужчины достали деревянные приспособления, напоминающие щетки для волос – небольшие дощечки с рядами металлических крючков, – и приступили к работе. Они синхронными и сильными движениями вычесывали пух с горла и груди коз. Пуха удавалось добыть совсем немного, к клочкам липла грязь, навоз и трава. Козы начали вырываться, мужчины запели низкими гортанными голосами.

– Эта песня обращена к козам. Они уговаривают их отдать немного пашма в обмен на сладкую траву, которую они съели, и чистую воду, которую они выпили, – объяснил гид.

Женщины собирали пух в большие полиэтиленовые пакеты. Они внимательно следили за тем, чтобы ни одна ворсинка не пропала даром.

– У каждой семьи есть от восьмидесяти до двухсот коз. Коз вычесывают в мае и сентябре. За один вычес с каждого животного можно получить от двухсот граммов сырья, – пояснил гид на ломаном английском.

Хорошо, что можно было обойтись без переводчика. Меир призадумалась.

– А сколько они получают? – спросил датчанин, которого тошнило в автобусе.

– Шестнадцать сотен рупий за килограмм, – ответил гид. – Иногда меньше, иногда больше – зависит от качества. После очистки из килограмма получается всего триста граммов волокна, пригодного для прядения.

Меир посмотрела на мешок. Наверное, нужно вычесать целое стадо коз, чтобы получить килограмм шерсти. И очень сложно представить себе, как из этих грязных, покрытых жиром комков получаются такие прекрасные вещи, как ее шаль.

– И что дальше? – без малейшего интереса спросил один из израильских мальчиков.

– Торговцы объезжают окрестности Леха на грузовиках и скупают пашм, потом везут его в город для дальнейшей обработки.

Второй мальчишка извлек из расселины ржавую банку, установил ее на камне и начал швырять в нее галькой.

– И это все? – не унимался первый.

Камешки звонко щелкали по жести, пока банка с грохотом не свалилась с камня.

Гид начал потихоньку закипать.

– Это традиционное ремесло. Народ Индии сохранил вековые обычаи.

– Но это все, на что тут можно посмотреть?

– Днем мы отправимся в монастырь. Там есть прекрасные фрески.

– Ну да.

Демонстрация закончилась. Мужчина развязал коз и вывел их из загона. Старший группы остался возле загона, чтобы расплатиться, остальные потянулись к ближайшей палатке. Меир надеялась, что остаток ночи они проведут у большого костра, потягивая чанг⁶ и слушая бление коз. Она расстегнула рюкзак и, удостоверившись в том, что шаль на месте, достала из кошелька пятьсот рупий. Деньги быстро исчезли в смуглой руке погонщика, но не настолько быстро, чтобы гид не успел их заметить. Теперь он будет считать ее типичной безмозглой туристкой, которая сорит деньгами, но ей было все равно.

⁶ Чанг – традиционный слабоалкогольный напиток, изготавливаемый из ячменя, риса или других зерновых культур; распространен в Тибете, Непале, предгорьях Гималаев.

– Джуллей, джуллей, – пробормотала она. Это было универсальное слово, на ладакхском языке оно означало и «привет», и «до свидания», и «спасибо».

– Джуллей, – ответил мужчина и заторопился к датчанам.

Меир хотела разложить шаль на камнях и сделать красивую фотографию на фоне горного пейзажа и знаменитых кашмирских коз. Таким образом она запечатлела бы начало своего путешествия и отправила бы фотографию Эйрлис и Дилану, но передумала, поскольку не хотела испортить ткань. Дул сильный ветер, то и дело мелкий песок и ледяная крошка секли щеки. В целом картина была весьма мрачной и ничем не примечательной. Особенным это место делало только осознание того, что семьдесят лет назад где-то здесь была создана ее прекрасная шаль. И с тех пор ничего не изменилось.

Меир осталась довольна поездкой. Она удовлетворилась тем, что сфотографировала озеро, деревья и белую длинношерстную козу. Фотоаппарат не мог запечатлеть запахи, но это было к лучшему. Она подумала о бабушке и дедушке. Теперь, когда она сама побывала в этих удивительных краях, история о миссионере из Валлийской пресвитерианской церкви, проповедовавшем тут, в Лехе, в сердце Гималаев, казалась ей невероятной. Неужели Эван Уоткинс не нашел, кому проповедовать Слово Божье на побережье Инда? Почему он отправился сюда наставлять на путь истинный малочисленный народ чангпа? Может, здесь его поймала в снежную ловушку зима?

Туристы брели по плато к белому автобусу. Меир бросила последний взгляд на коз и присоединилась к своим попутчикам.

– Быстрее в автобус! – прикрикнул старший группы на мальчиков из Израиля.

Те вприпрыжку помчались к машине.

Глава 2

Вернувшись в Лех, Меир потратила целый день на поиски смотрителя, у которого были ключи от европейского кладбища.

– Днем, скорее всего, придет, – предрек старик, кутивший кальян на ступеньках.

Но днем там не оказалось ни старика, ни смотрителя с ключами. Меир стояла за забором и с грустью смотрела, как желтые листья опускаются на могильные плиты.

В Ладакхе жизнь шла своим чередом. Она вернулась в город с твердым намерением выпить чашку местного чая и разработать новый план действий. Перед мечетью она заметила золотисто-рыжую копну волос, пылающую над белыми куфиями мужчин, спешивших на молитву. Женщина и ребенок были заняты только друг другом и не замечали ничего вокруг. Девочка плакала. Ее личико было красным и мокрым от слез. Мать что-то тихо втолковывала ей. Черноволосого мужчины на этот раз с ними не было.

– Нет! Нет! – рыдала девочка, топая ногами в пыли.

– Ну все! – Женщина говорила на английском с сильным американским акцентом. – Немедленно прекрати!

Она не сердилась, на лице играла озорная полуулыбка. Женщина несла несколько сумок с покупками и была вынуждена поставить одну на землю, чтобы освободить руку для ребенка. Но малышка уже заметила, что Меир наблюдает за ней. Она несколько раз моргнула – в глазах больше не было слез, только искреннее возмущение. Кричать она не перестала, наоборот, получив в лице Меир благодарного слушателя, залилась каким-то постановочно-опереточным плачем. Меир осмотрелась. Впереди и сзади было немного свободного места. Она подняла указательный палец и внимательно посмотрела в глаза девочке. Любопытство взяло верх над обидой. Как только внимание малышки полностью сосредоточилось на Меир, та глубоко вдохнула, собралась и выполнила изящный кувырок назад. Давненько же она не практиковалась! Прыжок вышел немного «смазанным» в конце, но в целом был неплохим. Девочка в изумлении открыла рот и широко распахнула глаза. Меир хлопнула в ладоши и сделала связку из двух фляков⁷. В цирке она постоянно выполняла этот трюк вместе с Хэтти. Наверное, этот прыжок удался бы ей даже во сне. Так получилось, что приземлилась она совсем близко к ребенку. Девочка немедленно схватила ее за ногу и подняла на нее любопытную мордашку. Она светилась счастьем.

– Еще! *Encore une fois!*⁸

Ее мать рассмеялась:

– Как здорово! И гораздо эффективнее, чем конфеты.

Меир почувствовала себя не в своей тарелке. Вокруг них собралась небольшая толпа зевак, которые, наверное, приняли ее за уличную циркачку и ждали продолжения. Меир захотелось немедленно убежать как можно дальше.

– Главное, что фокус удался. Давайте помогу с покупками. – Меир отряхнула руки и взяла пакет.

Женщина подняла дочку и одним ловким движением примостила ее на бедре.

– Прыгающая тетя! – Девочка протянула к Меир ручки.

– Совершенно верно, – подтвердила ее мама. – У нее здорово получается, да?

Она разговаривала с легким акцентом, характерным для жителей южных областей США.

⁷ Фляк – переворот назад, осуществляемый толчком с места.

⁸ Еще раз! (*фр.*)

– На самом деле не очень. Сама не знаю, что на меня нашло. Просто хотела повеселить вашу дочь. Она так плакала!

Женщина вздохнула:

– Я никак не могла ее успокоить. Все началось с того, что она захотела остаться с папой, но на весь день застряла со мной. Муж сейчас ищет подходящего проводника и пони. Завтра мы идем в большой поход и решили купить все необходимое. Ну а вы? Что вас привело в такую глушь? И куда вы направлялись? Кстати, я Карен, а это – Лотос.

Лотос помахала рукой.

– Меир Эллис. Привет, Лотос.

Ребенок был необычайно красив: высокий лоб, ясные глаза и пухлые губы, как у херувимов с картин итальянских мастеров.

– Я собиралась выпить чаю, – добавила Меир.

Карен кивком указала куда-то через дорогу.

– Отлично. А мы идем в салон красоты. Правда, Ло? Как можно идти в поход без педикюра? Пойдемте с нами, поболтаем. Уверена, там вам подадут неплохой чай.

Меир с радостью ухватила за эту возможность выбраться из толпы. Переступая через канавы, протискиваясь между рикшами, коровами и людьми, женщины пробирались к небольшому строению с кружевной драпировкой в витрине. Вывеска гласила: «Красота. Только для дам». Пол в «салоне» был не очень чистым, половицы – вытертыми, а пустые полки – пыльными. Кроме них здесь было еще несколько парикмахерских кресел. В помещении витал запах старомодного лака для волос, каких-то лосьонов и духов. В общем, больше пахло прачечной, чем парикмахерской. Несколько женщин в ярких сари моментально окружили Лотос, забрали ее у матери и повели вглубь салона. Они с восхищенными охами и ахами стали расчесывать золотистые волосы девочки. Лотос принимала знаки внимания, словно маленькая принцесса. Улыбчивая девушка с ярко-красными щеками и идеально круглым лицом тибетки позаботилась о пакетах. Мгновение спустя Меир и Карен сидели в соседних креслах перед большим, потемневшим от времени зеркалом.

– Не против педикюра? Не стесняйтесь, – улыбнулась Карен.

Меир позволила работнице салона расшнуровать кеды и с удовольствием погрузила ступни в розовую ванночку. Зажужжал моторчик, и вода наполнилась миллионами пузырьков. Эта сцена была настолько абсурдной, что Меир не могла сдержать смеха.

Отражение Карен вопросительно посмотрело на нее.

– Признайтесь, вы, наверное, танцовщица капоэйра? Мы видели несколько выступлений на улицах Рио. Вы бывали в Бразилии? Потрясающе! Я бы хотела двигаться, как вы. Но я не научусь и за тысячу лет!

Меир снова рассмеялась.

– Что? Нет. Я не танцовщица. Я когда-то, очень давно, работала в цирке.

– В цирке? Вы из семьи циркачей? Не может быть! Наверное, ваш папа – укротитель львов, правда? А мама? Акробатка в блестящем трико, которая выполняет пируэты на спине слона? Наверное, вы родились в шатре и, как только научились ходить, мама пошила вам костюмчик клоунессы! Ой, только не рассказывайте ничего Лотос! Она жуткая фантазерка.

Карен и сама обладала пылким воображением. Потрясающая внешность и легкий характер Карен подкупали, но Меир еще не решила, как держаться с ней.

– Боюсь, все намного прозаичнее. Отец продавал технику для ферм, мама работала учительницей в начальной школе в северном Уэльсе.

– Тогда почему цирк?

Меир могла уйти от ответа, сославшись на то, что за ней водится грешок эксгибиционизма, но она решила сказать правду.

– Бунтарский дух в юности. Я столько лет угрожала семье, что убегу вместе с бродячим цирком, что, когда подвернулась такая возможность, я просто обязана была выполнить свое обещание, иначе бы потеряла лицо. Честно говоря, нас и цирком-то назвать было сложно. Мы представляли правозащитную организацию. И львов у нас не было. Других животных тоже не было. Держать их для шоу жестоко. Мы с другом делали трюки на трапеции, а во время детских праздников наряжались клоунами. Мы проработали так четыре года. А потом повзрослели.

– Ясно. – Карен хитро прищурилась. – Думаете, я в это поверю? Мне кажется, это особая история, которой вы потчуете незнакомцев, чтобы от вас отстали. Если это так, ничего не выйдет. Предупреждаю: я обязательно узнаю правду. Мы станем друзьями. У меня чутье на такие вещи.

К ним подошла девушка с подносом и предложила чай. Меир взяла чашку. Чай оказался сладким и с молоком, но вкусным. Педикюрша начала колдовать над ее ногами: вынула из ванночки, обсушила полотенцем и стала втирать в кожу крем. Карен продолжила:

– Я ни за что не упущу возможности подружиться с человеком, который умеет делать сальто.

В другом конце зала женщины украшали волосы Лотос разноцветными лентами, на ее крошечных ноготках уже блестел лак.

Меир решила перехватить инициативу в разговоре:

– Что вы делаете в Лехе?

У Карен расширились зрачки, она побледнела, лицо немного вытянулось.

– Мы приехали из Тибета. Понимаете, я буддистка. Для меня эта поездка – паломничество.

Она начала рассказывать о монастырях и обрядах. Карен получила благословение ламы после года изучения живописной техники *танка*, и это стало величайшим духовным откровением в ее жизни. А Меир буддистка? Нет? И не чувствовала влечения? А Меир знает, что одна из резиденций далай-ламы находилась здесь, в Лехе? А видела ли она огромную золотую статую Майтреи⁹ в Тикси?

– Да, – ответила Меир на последний вопрос.

Педикюрша продолжала энергично разминать ступни Меир. Ноги Карен подвергались той же процедуре. Она прервала свой монолог, чтобы рассмотреть скудный ассортимент лаков, которые вынесла на подносе молодая девушка.

– Красный или розовый? Какой лучше?

– Красный, – не задумываясь ответила Меир.

– Да, наверное. Но в этот раз будет розовый. Я не хочу напугать пони. Лотос, какого цвета твои пальчики?

– Розовые, блестящие! – прошептала Лотос.

– Как мило! Папа будет в восторге.

– А теперь поход? – спросила Меир.

Карен небрежно махнула рукой.

– Ой, это увлечение мужа. Мне интересны монастыри, ему – горы. Мы познакомились в Нью-Йорке, но сейчас живем в Женеве. Бруно – швейцарец. Обычно он проводит отпуск, катаясь на лыжах и занимаясь альпинизмом, но в этот раз мы договорились посвятить время буддизму. Лотос тоже недовольна, хотя обычно ведет себя хорошо. Совсем не так, как сегодня днем. Такие истерики – редкое исключение.

– Вы берете ее с собой?

Карен с удивлением посмотрела на Меир.

⁹ Майтрея – единственный бодхисаттва, которого почитают все школы буддизма.

– Конечно! А почему нет? Бруно будет нести ее в специальном рюкзаке. Куда бы мы ни отправлялись, всегда берем Лотос с собой. Только так можно вырастить умного ребенка.

Тем временем Лотос вывернулась из рук женщин и подбежала к маме, чтобы похвастаться маникюром. Она растопырила маленькие пальчики на коленях у Меир и смотрела на нее сияющими глазами. Ленточки колыхались в золотистых волосах. «В теории Карен есть своя правда», – подумала Меир. Она вспомнила, как впервые увидела их на базаре, как ее поразила аура доверия и любви, окружавшая эту семью. Лотос была самой смышленной двухлеткой из всех тех, кого ей доводилось видеть.

– Очень красиво, – сказала Меир. – Как на картинке.

– *Oui – comme Maman*¹⁰. – Лотос покрутилась перед зеркалом.

В салон кто-то вошел. Кружевные занавески взметнулись на ветру. В дверном проеме показались темноволосая голова и широкие плечи.

– Карен?

Карен отвлеклась от изучения ногтей на ногах.

– Привет. Уже все уладил?

– Папочка! – Лотос в мгновение ока оказалась на руках у отца. – Прыгающая тетя, – заявила она, указывая на Меир. – Она высоко прыгает.

– Бруно, это Мая, – представила ее Карен. – Моя новая подруга.

– Добрый день, – кивнул ей мужчина.

Где-то в глубине его глаз была заготовлена улыбка для Меир, но он так и не улыбнулся ей. Она начала объяснять, как правильно произносится ее имя. Карен, вероятно, не расслышала.

Меир – это валлийский вариант Марии. В детстве она пыталась заставить друзей называть себя более изысканным именем, но как-то не прижилось. А местные ребята так и вовсе дразнились: «Меир, Меир – болотный аир». Но об этом она не стала рассказывать. Вопросительный взгляд Бруно Беккера заставил ее умолкнуть.

– Меир, – тихо сказала она. – Добрый день.

Знакомство было бесцеремонно прервано работницами салона, которые принялись активно выталкивать Бруно за дверь, – ведь этот салон красоты действительно был только для дам, и никаких исключений!

Бруно попросил жену не задерживаться, бросил Меир краткое «приятно познакомиться» и ушел вместе с Лотос. Наверное, Карен постоянно представляла ему своих спонтанных «друзей» и он решил не тратить на очередную знакомую свое время.

Карен потянулась в кресле и улыбнулась.

– Ура! Теперь, после того как закончим здесь, можем спокойно съесть по кусочку пирога и поговорить.

Меир чувствовала себя камешком, угодившим в цунами, но Карен Беккер была слишком настойчива и слишком любопытна, чтобы можно было хотя бы подумать о побеге. Как бы то ни было, других планов у Меир все равно не было. Как только высох лак, они отправились в немецкую пекарню, расположившуюся в соседнем переулке. Дамы заказали по кофе и яблочному пирогу. Карен призналась, что давным-давно мечтала поехать в Индию, с тех самых пор, как в двадцать лет увлеклась буддизмом. Пока страна полностью оправдывала ее ожидания. Эти места священны. Они вызывают к самой сути человека. В Европе такой духовной силы не найдешь, не так ли? Не говоря уже о США. Ей уж точно не доводилось испытывать ничего подобного, заключила Карен. А Меир (на этот раз она правильно произнесла имя) понимает, о чем идет речь?

¹⁰ Да, я как мамочка (*фр.*).

Меир вспомнила выбеленные стены гомпы¹¹, мрачные кельи с тусклой настенной росписью, статуями Будды и алтарями, заваленными подношениями. Часто верующие оставляли Будде весьма приземленные подарки – чипсы, печенье и букеты искусственных цветов. Голоса монахов отражались от древних стен. Из узких окон открывался чудесный вид на реку и сады далеко внизу.

В одном из монастырей гид показал Меир кухню, где пожилой монах спокойно готовил обед на всю общину. Деревянным ковшом он наливал воду в почерневший от копоти казан, установленный над пламенем костра. Порции холодного риса уже лежали на тарелках. Перед низким, грубо сколоченным столиком на коленях стоял послушник – мальчик лет десяти – и нарезал овощи из монастырского огорода. Пожилой монах одобрительно кивнул ему и отправил аккуратные полукольца лука и моркови в кипящую воду. Повар и его помощник работали в абсолютной тишине. В тот момент Меир осознала, что за двести или даже триста лет в жизненном укладе этих людей ничего не изменилось. Молчаливые монахи, которые день за днем, час за часом готовят для других, заботятся о других, тронули ее сердце гораздо сильнее, чем любые религиозные обряды и практики. Она попыталась описать свои чувства Карен.

– Я прекрасно тебя понимаю, – на полуслове перебила ее Карен. – К просветлению ведет множество троп, но путь у нас один. Понимаешь, о чем я? Я с первого взгляда поняла, что мы найдем общий язык.

– Это потому, что я умею делать сальто?

– И поэтому тоже. Зачем сдерживать свои эмоции, если их можно выразить? Ты – цельная личность. Я в восторге.

По словам Карен, Бруно не был ни «цельным», ни «духовным» – разумеется, по меркам самой Карен – и приехал с ней в Индию только ради гор. Они были его храмом и он совершал свое особое паломничество.

– А если говорить о Лотос, то она должна поверить в мир, в котором нет зла, нет страха, нет мелочных запретов. Только так она сможет стать тем человеком, которым ей и предназначено стать.

Теперь Меир поняла, почему даже небольшая неприятность вызывает у девочки истерику, – чрезмерная доброта не приводит ни к чему хорошему.

Женщины допили кофе. Карен пальцем подобрала последние крошки с тарелки и слизнула их.

– Мне пора возвращаться. Какие у тебя планы? Нас не будет в городе четыре или пять дней, – сказала она.

– У меня есть дела в Лехе. Не знаю, сколько времени это займет.

Карен внимательно посмотрела на Меир, кончики ее тонких пальцев блуждали у губ. Меир заметила, что несколько туристов, также забредших на кофе и немецкий пирог, не стесняясь, gazeют на Карен.

– Знаешь, ты очень загадочная, – сказала она.

– Это совершенно не так! – запротестовала Меир.

– Но ты не рассказала, зачем приехала в Ладакх. Я нисколько не сомневаюсь, что ты здесь не для того, чтобы осматривать достопримечательности.

Меир не хотела рассказывать Карен ни о шали, ни о пряди волос, ни о загадочной семейной истории. Слишком буйное воображение было у этой женщины. Вместо этого она тихо ответила:

– Отец недавно умер.

¹¹ Гомпа – комплекс укрепленных сооружений для духовного обучения и практики. Гомпа состоит из мужского или женского монастыря и университета.

Карен моментально стала серьезной.

– Мне очень жаль, – мягко сказала она. – Наверное, для тебя это стало тяжелым ударом. Хорошо, что ты приехала в буддистскую страну. Ты слышала о пунабхаве?¹² Это означает «приходить вновь». Это вера в то, что мы перерождаемся. Конечно, вера в перерождение не избавляет от горя и душевных мук, но смягчает боль, делает все созерцательным. По крайней мере, иногда так случается.

Карен желала ей добра. Может, все это и звучало как экзотический бред, но она искренне хотела помочь.

– Спасибо, – улыбнулась Меир.

Карен крепко сжала руку Меир и вышла из#за столика. Она сама заплатила за кофе и пирог, не позволив новой подруге даже достать кошелек.

– Где ты остановилась? – спросила она.

Меир сказала.

– Тогда увидимся после похода, – пообещала ей Карен.

На следующий день у Меир была экскурсия на фабрику, где обрабатывали пашм. Погода испортилась, солнце словно бы ушло из Леха вместе с Беккерами. Осенняя позолота поблекла, покрылась сизым налетом низких серых туч. Последние листья опадали с высоких тополей.

Из невзрачного и грязного фабричного строения вышел невысокий мужчина в бейсболке.

– Меня зовут Тинли. Я помощник менеджера. Чтобы увидеть, как сотворится настоящее чудо, следуйте за мной, – пошутил он.

Они пересекли двор и подошли к сараю, стены которого были сложены из бетонных плит. Меир не совсем поняла юмор, но молча последовала за гидом. Внутри сарая она увидела четырех женщин, сидевших кружком. На головах у них были платки, рот и нос закрывали марлевые повязки. В середине круга возвышалась гора необработанного козьего пуха с кусками грязи, навоза и торчащими сухими ветками. Точно такой пух, подшерсток, Меир видела на плато. Этот пашм сюда привезли на грузовиках из далекого Чангтанга. Женщины руками разнимали комья пуха, удаляли грязь и раскладывали пашм по меньшим кучкам. Критерием сортировки являлся цвет – от бледно-серого до темно-коричневого. Здесь нечем было дышать, такая стояла вонь.

Тинли с сожалением покачал головой.

– Ничего не поделаешь. Здесь проходит процесс сортировки. Машина не умеет различать цвет, вот и приходится обрабатывать вручную. Но дальше у нас все механизировано. Высокотехнологичное современное производство. Пойдемте, посмотрите сами, – предложил Тинли.

Металлические двери отъехали в сторону, и Меир попала в фабричный цех. Еще в сортировочной она слышала гул машин, но и представить себе не могла, насколько огромны механизмы за дверью. Наверное, ярдов пятьдесят в длину, это был настоящий левиафан из конвейерных лент, маховиков, гигантских резиновых валов и баков, из которых вырывались мощные струи пара. В конце линии была сушильная камера, после которой пух становился мягче и чище, но все равно кое-где виднелись грубые волокна шерсти и грязь, намертво прилипшая к ним.

– Что дальше? – Меир покрутила в руках клочок очищенного пуха.

Впереди открылась вторая металлическая дверь. Волна теплого влажного воздуха с удушающим запахом мокрой шерсти окатила ее с ног до головы.

– Почему так жарко? И влажно? – еле выдавила из себя Меир.

¹² Пунабхава – религиозный принцип буддизма, означает «восстановление», «новое становление».

– Это паровая камера, – с гордостью ответил Тинли. – Благодаря ей с материалом легче работать. Здесь удаляются волокна шерсти, видите?

Они заглянули в недра работающего механизма. С каждой стадией подшерсток – мягчайший пух, защищающий горных коз от гималайских холодов, – становился все мягче и белее, пока не был полностью очищен от всяких примесей. Линия конвейера заканчивалась еще одной сушильной камерой. Возле нее находился рабочий, который аккуратно складывал белоснежную воздушную массу, выходящую из пасти машины.

Меир не устояла перед искушением. Она шагнула вперед и погрузила руки в пашм. Это было словно трогать облако – невесомое и идеально белое. Она вспомнила, что килограмм вонючего жирного подшерстка, который она видела в самом начале конвейера, превращается в триста граммов воздушного пуха.

– Это настоящее чудо! – согласилась она.

Тинли сиял.

– Пойдемте. – Он сильнее надвинул бейсболку на глаза и повел Меир к выходу из производственных помещений.

Они вышли на тесную улочку позади фабрики. Улочка была слишком узкой, чтобы два человека могли идти по ней рядом. Сверху нависали узловатые ветки деревьев и козырьки балконов. Тинли шел очень быстро, поэтому Меир тоже пришлось прибавить шаг, чтобы не отставать. Возле разваливающихся ворот, кое-как вделанных в забор, Тинли внезапно остановился и кивком пригласил ее войти внутрь. Вездесущие куры копались в мусоре. Где-то высоко в небе проплывал голос муэдзина, призывающего к молитве. Во дворе, опираясь на метлу, стоял мужчина.

– Джуллей, – поздоровался с ним Тинли.

Поднявшись по каменным ступенькам, они подошли к узкой двери, за которой оказалась небольшая комната, в которой громоздились деревянные прялки. За ними работали женщины. Их работу сопровождали монотонное поскрипывание педалей прялки и ритмичный стук челноков. Они ткали простые шали-пашмины серого или коричневого цвета. Тинли пояснил, что они производят продукцию, которую затем продают в Лехе, в магазинах, спонсируемых государством.

– Так сохраняются ткаческие традиции и хорошая работа для женщин. Свободный график позволяет им и зарабатывать деньги, и заботиться о семье.

– Замечательно! – согласилась Меир, в который раз подумав о том, насколько этот мир отличается от привычного ей жизненного уклада.

Они прошли через мастерскую. Женщины приветливо улыбались. Выйдя через ворота на улицу, Меир с удивлением обнаружила себя на главном проспекте города. Она увидела минареты городской мечети и холм, увенчанный короной древнего дворца. Затем был лабиринт улочек и переулков, и наконец они оказались перед магазином шалей. Продавец широко улыбался, сверкая золотым зубом. Он разложил перед Меир свои лучшие шали и шарфы, заботливо упакованные в шуршащие пакеты. Иногда Лех мог показаться одной огромной лавкой, торгующей пашминой. После того как Тинли терпеливо знакомил ее с производством и мастерской, у Меир не осталось иного выхода, кроме как купить несколько шарфов. Она послушно выбрала три: жемчужно-серый для Эйрлис, карамельно-коричневый для себя и кремовый для Хетти. Она заплатила двенадцать тысяч рупий за все, уверяя себя, что это не такие уж большие деньги, учитывая, сколько сил и стараний люди вкладывают в создание пашмины.

Продавец упаковывал покупки. Поддавшись внезапному порыву, Меир открыла рюкзак и достала из внутреннего отделения сложенную шаль. Тинли с любопытством наблюдал за тем, как она разворачивает шаль и осторожно раскладывает ее на деревянном прилавке. Даже в тусклом свете драгоценная пашмина засияла, как бассейн с бриллиантами. По срав-

нению с ней товары на полках казались невзрачными и грубыми подделками. Тинли охнул и наклонился, чтобы лучше рассмотреть ткань, продавец тоже подошел ближе.

– Что вы можете сказать об этой шали? – спросила Меир.

Тинли достал из-под прилавка увеличительное стекло и стал внимательно изучать шаль, кончиками пальцев пробежал по вышивке, а затем так же тщательно исследовал изнанку. От его внимания не ускользнула ни одна деталь узора.

– Это кашмирская техника, – ответил он. – Это *кани*. В Ладакхе такого не делают.

Продавец что-то тихо сказал ему.

– Шаль продается? – будничным тоном спросил Тинли.

– Нет. Определенно нет. Она принадлежала моей бабушке. Я просто хочу узнать историю шали и, может быть, что-то о своих родных. Понимаете, я родилась уже после ее смерти.

Тинли отложил лупу и выпрямился.

– Значит, вам нужно ехать в Кашмирскую долину.

– Да, но я точно знаю, что бабушка некоторое время жила в Лехе. Мой дед был христианским миссионером.

– Кем именно? Католиком? Моравитом?

– Нет, он был из Уэльса. Пресвитерианская Церковь.

Тинли пожал плечами. Очевидно, для него все эти тонкости не имели никакого значения.

– Европейцы часто приезжают, но редко остаются. Они открывают клиники и школы для детей. Это заслуживает благодарности.

Наверное, он хотел добавить, что вторая сторона миссионерской работы, а именно беседы на различные религиозные темы, не заслуживает никакой благодарности, но промолчал.

– Я бы хотела посетить христианское кладбище, но ворота все время закрыты, а смотрителя никогда нет на месте.

Тинли усмехнулся, обнажив ряд белоснежных зубов, и сдвинул бейсболку набок. Он сказал что-то продавцу, оба рассмеялись.

– Не переживайте, мой друг Церинг – племянник смотрителя, – указал Тинли на продавца.

Мужчины снова о чем-то посоветовались, и Тинли сообщил Меир, что, если она завтра придет в магазин, скажем, к трем часам, дядя принесет ключи и проведет ее на кладбище. Она поблагодарила и пообещала быть ровно в три. Меир начала сворачивать шаль, но Тинли остановил ее.

– Вы видели это? – спросил он, указывая на небольшой завиток в углу.

Тинли вручил Меир увеличительное стекло. Меир присмотрелась и увидела крошечную вышивку в виде стилизованной бабочки – инициалов «ВВ», причем вторая «В» была зеркальным отражением первой. Рядом был еще один непонятный знак.

– Что это?

– Это знак производителя и цифра – 42. Вероятно, это год изготовления. Это прекрасная вещь, мастеру потребовался не один месяц, а возможно, и год, чтобы выткать шаль, а затем вышить ее. Вероятно, шаль предназначалась невесте как свадебный подарок или приданое, которое она получила в доме мужа.

То есть предназначалась ее бабушке Нерис Уоткинс как подарок от ее мужа, пресвитерианского священника? Меир подумала, что шаль слишком дорога для такого подарка. Скромный, почти спартанский образ жизни, который вели бабушка и дедушка, никак не вязался с роскошной вещью, достойной невесты махараджи. Похоже, история становилась все запутаннее и запутаннее.

Меир положила покупки и свою шаль в рюкзак, поблагодарила продавца и повторила, что обязательно придет завтра.

Тинли приветливо улыбнулся:

– Обязательно наденьте новую пашмину. Надвигаются холода. В этом году зима будет ранней.

На следующий день город съезжился под ударами холодного пронизывающего ветра, приносившего пригоршни ледяной пыли с горных вершин. Меир чувствовала в воздухе запах снега. Хорошо, что она прислушалась к совету Тинли и повязала теплый кашмирский шарф. Окна домов защищали деревянные жалюзи, и почти на каждой крыше лежали тюки корма для животных и дрова. На базаре стало меньше людей, и за всю дорогу Меир встретила всего несколько европейцев. Через две-три недели закроются все магазинчики, кафе и пансионаты, большинство их работников отправится на юг, на пляжи Гоа, оставив позади себя засыпанный снегом и изолированный от всего остального мира Лех. Меир с тревогой подумала, выдержат ли Беккеры такой холод в своей палатке.

Разумеется, в магазине не было никакого дяди с ключами. Продавец Церинг только плечами пожимал. Чтобы чем-то занять Меир, он предложил ей посмотреть новую партию шалей. Пока Меир восхищалась яркими красками и тонкой работой, Церинг приготовил чай масала¹³. Они пили его с миндалем и сушеными абрикосами. Меир уже знала, что обычай предписывает продавцу быть обходительным с покупателем, даже если он не собирается ничего покупать.

Полчаса пролетели незаметно. Наконец дверь, ведущая в мастерскую, открылась и на пороге появился сморщенный старик в меховой шапке и войлочных сапогах.

– Мой дядя Сонам, – засиял Церинг. – Брат моей бабушки.

Меир пожалла морщинистую руку старика. Неудивительно, что Сонам редко бывал на работе: он был очень стар. И единственное занятие, за которым его могла представить Меир, – это послеобеденная дрема в кресле.

– Добрый день, Сонам-ле, – поздоровалась она. Меир вычитала, что правила вежливости требуют добавлять к именам частицу «ле».

Старик бросил на нее быстрый оценивающий взгляд. Он что-то тихо сказал Церингу и показал пальцем на дверь. Церинг снял с крючка свою куртку.

– Мы выходим, – сказал он.

– Вы бросите магазин?

– Дядя не говорит по-английски, – пояснил он, потом пожал плечами и развел руками. – Клиентов все равно нет.

Он запер дверь, и все трое отправились в путь. На Сонаме было что-то наподобие халата, длинного, доходившего ему до щиколоток. Войлочная шапочка смешно подпрыгивала на голове в такт его шагам. Двигался старик на удивление быстро. Через несколько минут они уже стояли перед запертыми воротами европейского кладбища. Сонам порывлся в многочисленных складках своего одеяния и в конце концов достал огромный ключ. Ворота открылись, и Меир прошла под сенью изможденных деревьев к замшелым крестам и надгробиям. Опавшая листва покрывала землю. Из золотой она успела превратиться в бурую. Холодный ветер жалил лицо.

– Что вы ищете? – спросил Церинг.

На ближайшем надгробном камне была надпись на немецком. Меир попыталась перевести ее.

– Не знаю, – ответила она.

¹³ Чай масала (букв. «чай со специями») – напиток родом из Индийского субконтинента, получаемый путем заваривания чая со смесью индийских специй и трав.

К счастью, он больше не задавал вопросов. Мужчины отошли к кладбищенской стене, под зеленый навес, установленный там от непогоды. Меир стала бродить среди могил. Она увидела крошечный камень с простой надписью: «Жозефина, 7 месяцев». Она попыталась представить, как сложно было европейским женщинам растить детей так далеко от дома, в этом чужом месте, как часто их молитвы оставались неслышанными.

Она подошла к небольшой группе надгробий. На каждом было высечено валлийское имя. Здесь лежали Уильямсы, Томасы, Джонсы, которые могли принадлежать к пресвитерианской миссии. Меир достала блокнот и переписала имена и даты. Когда появится возможность, она почитает о них в «Надежде и славе Господа». На одном надгробии была надпись на валлийском. Совсем недавно Меир видела такую же на могиле рядом с могилами мамы и папы. *Hedd perffaith hedd*. Безмятежность, абсолютная безмятежность.

Тоска по дому накатилась внезапно, зажала ее, как стальными тисками. Ей захотелось немедленно вернуться в родную долину. На секунду ей показалось, будто она видит отца, сидящего за кухонным столом. Он читает газету, а рядом дымится чашка чая.

Меир заставила себя посмотреть на белые пики Гималаев и облака, плывущие по голубому небу. Может, Эван и Нерис Уоткинс тоже стояли на этом месте и смотрели на этот пейзаж. Наверное, Нерис тоже тосковала по дому, и ее тоска была намного сильнее, поскольку в те дни связаться с родным домом было гораздо сложнее, чем сейчас. Здесь, в Индии, Меир впервые почувствовала эмоциональную связь с бабушкой. Она бродила по кладбищу, пока полностью не обошла его и не вернулась к входу. Меир испытывала разочарование – ничего интересного, кроме нескольких валлийских имен на надгробиях. Церинг и его дядя сидели под навесом, болтали и курили кальян. Она уже собиралась подойти к ним, когда заметила мемориальную доску на стене.

«В память о Метью Александре Форбсе из Колледжа Святого Иоанна, Кэмбридж, пропавшего на Нангапарбате¹⁴ в августе 1938 года в возрасте 22#х лет» – прочитала Меир.

Она точно не знала, что такое Нангапарбат и где это находится, но она догадалась, что это гора. Двадцать два года? Этот Метью был очень молод.

– Мэм, уже уходите? Нашли что-нибудь? – спросил Церинг.

Меир покачала головой.

– Судя по именам, здесь похоронено несколько выходцев из Уэльса, но они никак не связаны с моей семьей.

Сонам внимательно посмотрел на нее. Несмотря на преклонный возраст, он сохранил ясность ума. Сейчас его глаза смотрели настороженно и проницательно. Он что-то пробормотал. Церинг пожал плечами и перевел для Меир:

– Он спрашивает, почему вы сразу не сказали, что интересуетесь людьми из Уэльса?

Меир растерянно поморгала.

Сонам встал и жестом пригласил следовать за собой. Старик вышел из ворот кладбища и бодро зашагал вниз по узкому переулку. Меир и Церинг едва поспевали за ним. Меир впервые была в этом квартале старого города, поэтому с любопытством смотрела на потрескавшиеся от времени каменные стены. Большинство домов были непригодны для жизни. Навстречу шла женщина с охапкой хвороста на голове. Она поздоровалась с Сонамом, когда они поравнялись.

Переулок вывел их к тупику и двум заброшенным зданиям. Первое было простым каменным сооружением с большими окнами. Все проемы были заколочены старыми досками. Меир вновь испытала разочарование: меньше всего покосившаяся хибара напоминала валлийскую церковь. От дома напротив остался фасад с дверью. Но именно эту дверь открыл

¹⁴ Нангапарбат («Голая гора», 8126 м) – девятый по высоте восьмитысячник мира. Расположен в северо-западной части Гималаев.

перед ней Церинг. За стеной оказался небольшой мощеный двор, по периметру которого стояло несколько одноэтажных домов. Двор почти полностью зарос сорняками, в окнах не было стекол. В одном из дверных проемов появилась тощая собака и настороженно посмотрела на них желтыми глазами.

Церинг и Сонам о чем-то посоветовались между собой.

– Дядя помнит старую миссию. Тогда была еще школа и клиника. Вон там стояла Уэльская церковь. Потом ее переделали в индуистский храм, а новую христианскую построили чуть дальше. От тех времен тут ничего не сохранилось, – пожал плечами Церинг.

Еще в Лехе Меир заметила, что этот человек был напрочь лишен оптимизма и ко всему относился скептически.

Сонам несколько раз мотнул головой, приглашая ее повнимательнее осмотреть заброшенное здание. Обходя собак, Меир по очереди заглянула в крошечные комнаты. Первые две были пусты, если не считать пучков травы, проросшей сквозь пол, а также мусора и обрывков мешков, но в третьей оказались полусгнившие фрагменты мебели. Один кусок даже удалось опознать. Это была школьная парта с откидывающейся крышкой и полочкой для книг. Такие же парты были и в начальной школе Меир. Она нагнулась, чтобы поставить парту на ножки. Древесина рассыпалась трухой в ее руках. Под ногами валялись остатки книг. Обрывки страниц кое-где были прикрыты распухшими от влаги обложками. Меир подняла один такой книжный труп. Страницы превратились в серую массу с фиолетовыми разводами.

Это был валлийский Псалтырь.

Меир подняла голову. Когда она шла сюда, ее посещали мысли о том, что эти двое просто хотят угодить ей, проводив в место, которое могло быть любой из многочисленных религиозных миссий в Ладахе или вообще не иметь никакого отношения к Церкви. Но теперь она поняла, что ее привели куда надо. Семьдесят лет назад Эван Уоткинс читал проповеди в часовне через дорогу, а его жена учила детей, вероятно, в этой комнате. Меир наклонила голову, пытаясь расслышать голоса прошлого, но услышала только лай собак и шум на дороге.

– Я искала это место, – тихо сказала она своим спутникам.

Псалтырь с тихим шелестом выпал из ее рук.

Они вышли на свежий воздух. Сонам взял Меир за руку. Он стал что-то говорить на певучем, как у птиц, языке. Старик пристально смотрел ей в глаза. У него не было зубов, лицо покрывала сеть глубоких морщин, но внезапно он показался Меир гораздо моложе своих лет.

– Переведите, пожалуйста, – попросила она Церинга.

– Он помнит учительницу. Она была очень добрая. Угощала детей яблоками и пела с ними песни. Он был тогда совсем маленьким мальчиком.

Это была Нерис Уоткинс, которая последовала за своим мужем в Индию и привезла на родину свадебную шаль и таинственную прядь волос.

– Вероятно, это была моя бабушка. Спросите, не помнит ли он ее имя? Что они пели?

Тик, сотрясавший тело старика, был красноречивее любого ответа, но он снова заговорил, показывая жестами коробку и изображая, с каким трудом он эту коробку нес. Старик с удовольствием вспоминал прошлое. Отец Меир тоже с радостью погружался в мысли о прошлом. Церинг похлопал дядю по плечу и, видимо, попросил говорить не так быстро.

– Он говорит, здесь было радио. Ему нравилась музыка. Приемник был вот таким огромным и тяжелым. Четыре мужчины грузили батареи от радио на телегу и везли к реке, чтобы подзарядить от генератора. Потом все собирались и слушали радио с очень серьезными лицами. Детям было смешно, но им не разрешали смеяться. В Европе шла война. А потом война была в Азии.

Эван и Нерис слушали новости по радио. Керосиновые лампы отбрасывали причудливые тени на стены и потолок. Эта картинка яркой вспышкой пронеслась в голове. Меир смогла отчетливо представить Эвана в черной сутане и Нерис, которая всегда носила фартук поверх простой юбки и вязаной кофты.

– Да, – кивнула она. – Ничего не изменилось.

В заброшенном здании больше не на что было смотреть. Но Церингу было интересно, и он заставил ее сделать еще один круг. Они заглянули во все комнаты, но не обнаружили ничего достойного внимания. Сонам выглядел уставшим и разбитым, словно воспоминания забрали у него всю энергию. Меир осторожно положила свои руки ему на плечи.

– Спасибо. Я рада, что пришла сюда.

Они возвращались по переулку, Сонам шел медленно, опираясь на руку племянника. Темнело. В окнах домов зажигался свет. Вначале все было хорошо, но потом лампочки стали мигать и гаснуть – снова отключили электричество. Погас и уличный фонарь, одиноко маячивший впереди. Меир и ее спутники остались стоять под темно-синим небом. Церинг полез во внутренний карман за фонариком. Чтобы не упасть, старик оперся на плечо Меир, она взяла его за руку. Тонкий луч фонарика выхватывал из темноты ямы и камни, упавшие со стен домов. Осторожно обходя препятствия, они продолжили путь. На перекрестке Меир попрощалась с мужчинами и повернула в сторону гостиницы. Деньги, которые она протянула Сонаму, в мгновение ока исчезли в прорези халата. Он взял Меир за запястье и по-птичьему наклонил голову, чтобы в сгустившихся сумерках лучше разглядеть ее лицо. Церинг перевел в последний раз:

– В те времена жизнь здесь была тяжелой. Всем приходилось несладко, но кому-то везло больше. Все как всегда.

Старик пытался сказать, что здесь, в Лехе, судьба была благосклонна к Эвану Уоткинсу и его жене. Что они были счастливы. Меир поняла его. Она пожала руки обоим мужчинам.

Церинг улыбнулся. Белые зубы сверкнули в темноте.

– Если хотите узнать историю шали, отправляйтесь в Кашмир.

– Так и сделаю.

– Счастливого пути! – пожелал он.

Они попрощались. Мужчины развернулись и медленно побрели по пустынной улице. Внезапно зажегся фонарь, и к ним присоединилась пара теней, бесшумно скользящих по столетним каменным стенам.

Глава 3

Индия, 1941 год

Он взял свечу и ушел за ширму. Ширмой они называли деревянную раму, оклеенную коричневой бумагой, которая отделяла умывальник от остальной комнаты. На бумаге появились причудливые тени. Нерис отвернулась, чтобы не видеть, как моется муж. Ее взгляд бесцельно блуждал по неровной стене, пока не сфокусировался на простом деревянном распятии, которое висело рядом с кроватью.

Когда он нес свечу обратно к кровати, желтый огонек начал мерцать и едва не потух. Свеча вновь стояла на ночном столике – значит, все в порядке и можно лечь на спину. Матрас, набитый шерстью яка, привычно зашуршал. Эван взял Библию, которая всегда лежала рядом с его подушкой. От него пахло мылом и едким мужским потом. Он опустился на колени рядом с кроватью. Нерис хотела присоединиться к нему в молитве, даже откинула одеяло и попыталась сесть на кровати, но Эван остановил ее:

– Господь все видит. Он не будет сердиться. Тебе нужно отдыхать, Нерис.

– Я в полном порядке, – пробормотала она, но осталась лежать. Она слушала, как он читает на валлийском строки из Книги Иова. Когда он замолчал, Нерис подумала, что молитва закончена, и произнесла «аминь», но поспешила. Муж продолжил молиться про себя. Иногда она тоже пыталась творить беззвучные молитвы. Помимо прочего она просила у Бога сделать ее лучшей женой.

Наконец Эван вздохнул и поднялся на ноги. Снял толстый халат, повесил его на крючок, затем откинул одеяло, позволяя лезвию холодного воздуха проникнуть в недра постели. Возникла секундная пауза, фигура, облаченная в полосатую фланелевую пижаму, нависла над кроватью. Он словно усилием воли заставлял себя лечь рядом с ней.

– Ты готова ко сну? – спросил он.

– Да, – ответила она.

Он задул свечу и укрылся одеялом. Матрас прогнулся под его весом. Нерис напрягла мышцы ног, чтобы не позволить себе прилечь к мужу. Ей было грустно, внутри поселилась ужасная пустота. Ей хотелось ощутить тепло его тела и нежные объятия, которые лучше любых слов могут залечить душевные раны, но сегодня был трудный день и она не хотела беспокоить мужа.

– Доброй ночи, дорогая, – сказал он.

– Доброй ночи, Эван, – тихо отозвалась она.

Скоро он заснет. Сцепив пальцы под грудью, она лежала с открытыми глазами и вспоминала ушедший день.

Работа с маленькими детьми приносила большую радость. Малыши надевали школьные фартуки поверх своей рваной одежды. Сидели очень тихо и внимательно следили за тем, как она пишет слова и цифры на доске. Один, два, три. Сапоги, шляпа, яблоко, рука. Они стойко выносили и эту скуку, и чтение вслух Библии, чтобы потом можно было петь песни, танцевать и играть в ладошки. Дети на свой лад распевали «Апельсины и лимоны» и «Фермер в долине». Нерис пыталась повторить то, что они пели. Дети громко смеялись, когда она пыталась говорить на их языке. Иногда она вместе с детьми придумывала простые песенки. Нерис играла на фисгармонии, дети подыгрывали на барабанах, свистульках и бубнах, и тогда слова вообще были им не нужны.

Со старшими было сложнее. Нерис знала, что они приходят в школу только ради бесплатных обедов. В миссии кормили супом, давали рис и рагу из чечевицы. На уроках подростки вертелись, перешептывались между собой и пропускали мимо ушей все, что она говорила. В три часа заканчивались занятия, и они веселой гурьбой мчались через двор на волю. Дети не учились, а отбывали повинность. И это несмотря на то, что остаток дня они будут работать в поле или за ткацким станком. Она надеялась лишь на то, что еда и минимальная медицинская помощь, которую она могла оказать, компенсируют эти два часа взаимного непонимания. Она лечила их кашель, конъюнктивит, разные детские болячки, а они за это делали вид, что слушают ее уроки. Все дети переставали ходить в школу в возрасте восьми-девяти лет. Родители предпочитали, чтобы их «лишняя пара рук» не тратила время зря.

Нерис прислушалась к медленному и глубокому дыханию мужа. Если честно, она старалась не терять оптимистического настроения, но с каждым днем усиливалось ощущение того, что здесь они – пара невежественных чужаков – только зря теряют время и напрасно пытаются победить примитивный быт и чужой язык и проникнуться многовековой историей.

Разумеется, Эван не согласится с тем, что они невежды. Он считал, что в мире существует только одна истина, и нести эту истину язычникам – дело первостепенной важности. Нерис не разделяла точку зрения мужа. Может, она теряет веру в Господа? Только под надежным покровом темноты и одеяла она могла позволить себе подумать об этом. Неприятный холодок пробежал по спине Нерис. Разве может жена миссионера не верить в Бога?

По иронии судьбы, именно Индия подвела ее к пропасти сомнения. В Уэльсе все было просто и понятно. Нерис ходила на педагогические курсы, познакомилась с преподобным Эваном Уоткинсом, который приехал в отпуск из индийской миссии. Бог, в которого они оба верили, был неотъемлемой частью их жизни. Он был благословением, которое произносили перед едой, молитвой перед сном – за семью, за страждущих, за Короля и Королеву и несчастных язычников. Бог был часовней по воскресеньям, толстой черной Библией, нонконформистскими гимнами и целым жизненным укладом, который она признавала приемлемым и комфортным. Даже после того как Эван сделал ей предложение (она *молилась* о том, чтобы он позвал ее замуж), во время непродолжительной помолвки и после свадьбы, в течение медового месяца в Англии (она не будет останавливаться на этом сейчас) и во время приготовлений к поездке в Индию она никогда не сомневалась в правильности своих поступков, и ее вера была крепка как никогда. Эван услышал призыв стать миссионером, и она гордилась тем, что сможет сопровождать его. Всеми силами она будет поддерживать его, и вместе они добьются успеха.

В Шиллонге, центре пресвитерианской благотворительной миссии в Индии, они прожили первые три месяца своей супружеской жизни. И эта жизнь была не очень сложной. В миссии была большая школа, в которой преподавание велось на высоком уровне, а местные семьи готовились к принятию христианского послания, на котором в основном выстраивалась школьная программа. В часовне регулярно отправлялись службы для семей миссионеров и внушительного числа новообращенных. Был и фельдшерский пункт для оказания первой помощи и лечения легких недугов, классы для занятий по домоводству, гигиене и овощеводству для местных женщин. Нерис с удовольствием работала там. И все это поддерживалось маленькой, но организованной религиозной коммуной. Миссия даже открыла больницу, где принимал квалифицированный врач. Чаще всего туда обращались роженицы, чтобы в безопасности и чистоте произвести на свет ребенка. Там же помогали тем, у кого началось заражение крови, прокаженным, больным туберкулезом, бешенством и другими шокирующими заболеваниями, распространенными в Индии. Нерис видела, что они с мужем делают пусть и незначительное, но нужное дело.

Индия потрясла ее. Все ее представления об этой стране оказались блеклыми миражами по сравнению с действительностью. Изнуряющая жара, от которой трескалась кожа, толпы людей, муссонные дожди, льющие стеной, вонь, выбивающаяся из каждой щели, мошкара, искалеченные тела и неприкрытая нищета – вот что она видела каждый день, и это сводило ее с ума. Нерис пыталась поделиться своей тревогой с мужем, но Эван только сердился:

– Мы приехали сюда работать, дорогая. И будем работать, с Божьей помощью. У нас нет времени на эгоизм или жалость к себе.

Она хотела возразить, сказать, что не боится работы, что эгоизм ей тоже не свойственен и ей всего лишь хочется поговорить о том, что они оба видят каждый день. Но она приказала себе молчать. Эван не хотел ничего обсуждать, кроме ежедневных обязанностей. Он с головой погрузился в работу, но его упрямство и нежелание замечать очевидное были очень подозрительными. Вероятно, он сам боялся, что размышления могут завести его неизвестно куда.

Как бы то ни было, замешательство Нерис не продлилось долго. Со временем она научилась видеть не только убожество и нищету, но и поразительную живучесть и стойкость этой страны. Индия похожа на младенца – слабого, беззащитного, но обладающего сильнейшим инстинктом жизни. Желание жить мелькает в глазах нищего, когда он протягивает сложенные горстью руки и получает самую мелкую монету. Этот же инстинкт заставляет женщин с утра до вечера гнуть спину в поле, мужчину – сидеть целый день у пыльной дороги, топить торфом маленькую печь и продавать вкусный чай. Нерис взяла за правило заходить к одному такому продавцу во время ежедневной прогулки и выпивать чашечку чая, сидя на трехногом табурете. Продавец усаживался прямо на пыльную обочину. К сожалению, она не могла даже представить себе, что кто-то из этих людей примет христианскую веру. Им не требовалось утешение, они попросту не замечали своих бед и верили в своих богов. Еще один, христианский, ничего не мог изменить в их жизни.

Она всеми силами боролась с собой, но зерно сомнения быстро пустило корни в ее душе.

Эван работал с утра до ночи: проповедовал, писал письма, читал и ездил в отдаленные деревни. В основном Нерис занималась тем, что преподавала в школе и пыталась договориться с домашней прислугой, чьи ухмылки и подчеркнутая вежливость выводили ее из себя. У нее было много свободного времени. Она начала помогать в госпитале. С медсестрами было гораздо веселее, чем с женами миссионеров. Ее любимым занятием стала помощь в родильном зале. Нерис помнила первые роды, на которых она присутствовала, словно это было вчера. Роженица была моложе Нерис и уже родила двоих детей. Женщина мучилась и кричала долгих два часа, все это время Нерис вытирала ей лицо губкой и, как могла, старалась успокоить ее. Но как только ребенок появился на свет, мать протянула к нему руки с улыбкой, которая озарила всю комнату. Нерис вынуждена была отвернуться, чтобы вытереть набежавшие слезы полотенцем.

При мысли о ребенке руки Нерис сами собою опустились на живот, который сейчас ощущался дряблым. Она запрещала себе делать это жест, но безуспешно. Прошло меньше месяца с тех пор, как ее первая беременность закончилась выкидышем, и она уверяла себя, что совсем скоро снова будет вынашивать ребенка. Она чувствовала себя больной и измученной. Она так долго не могла зачать первого, но все будет хорошо, правда? Если только на нее не пала кара Господня за то, что она не верит в Него. Нерис мрачно улыбнулась в темноту. Если она не верит *в Бога*, то почему воспринимает свои беды как *Божью* кару? «Подумай о чем-нибудь другом», – посоветовала она себе. Эван вздохнул во сне и повернулся на другой бок, спиной к ней. Когда Эвану предложили поехать в Лех и заменить там пастора, умершего от дизентерии, он долго объяснял Нерис, что они могут отказаться. Миссионерство – это в первую очередь зов души и желание нести людям добро, а не выполнение чьих-то при-

казов. Также он предупредил, что жизнь там будет очень сложной. Лех находится высоко в горах, туда ведут только две дороги, да и те на полгода оказываются в снежном плену. Там почти нет европейцев, нет больницы, а местные жители, наверно, еще менее восприимчивы к слову Господа, чем жители Шиллонга.

Нерис тогда посмотрела ему в глаза.

Эван хотел поехать именно потому, что будет очень сложно. Лех даст ему шанс продемонстрировать миссионерское рвение перед Господом и начальством. Лех станет местом великого самоотречения для преподобного Эвана Уоткинса. И Нерис поняла, что бедный Эван на самом деле был невысокого мнения о себе. Он сомневался в себе, в своих способностях, его не устраивали те достижения, которые у него уже были. Тяжелый труд и суровые испытания, наверно, должны компенсировать нехватку самоуважения и любви к себе. Он даже отказывался от пищи. Нерис старалась придумать для него питательные блюда, чтобы хоть как-то поддержать тающие силы. Муж был изможден, щеки впали, скулы резко выступали на худом лице. Он часто болел, его мучила лихорадка и боли в желудке. «Я буду любить тебя еще сильнее, – мысленно поклялась она, – чтобы вернуть ту любовь, которую ты сам у себя отнимаешь».

Нерис погладила его по щеке и поцеловала в лоб.

– Конечно же мы поедem. Я буду очень разочарована, если мы этого не сделаем. Это путешествие станет настоящим приключением.

Она слышала страшные легенды о дороге из Манали в Лех.

Ночью, когда они лежали в постели, Эван взял ее за руку и прошептал:

– Дорогая?

Это был его условный знак. Нерис придвинулась ближе, собирая ночную сорочку на бедрах, и прошептала:

– Да.

Она специально сказала это у самых его губ, так, чтобы он почувствовал тепло ее дыхания. Пожалуй, он не считал их соития греховными. В конце концов, они были женаты! Преподобный Джеран Рид, его друг и учитель, сочетал их браком в церкви перед лицом Господа. Но... Наверное, проблема была в том, что он стеснялся получать удовольствие. Он никогда не стремился продлить их соитие или усилить приятные ощущения. Он не ласкал ее тело и старался как можно быстрее закончить. Нерис не задумывалась, заслуживает она эти приятные минуты или нет, но с самого первого раза она поняла, что ей нравится близость. Вначале она пыталась представить себе, каким бы был их брак, если бы Эван относился к плотским утехам точно так же, как и она. Наверное, они бы не выбирались из постели. Но после двух лет замужества она научилась умирять свои фантазии.

Эван принял приглашение поехать в Лех, и чета Уоткинсов отправилась в долгое путешествие в Ладакх. Несмотря на удушающую жару равнин, контрастирующую с прохладой Шиллонга, Нерис понравилось ехать на поезде и в Калькутту, и в Дели. На каждой станции их вагон штурмовали продавцы с корзинками, в которых лежали порции риса и кари, разносчики чая звенели маленькими колокольчиками, женщины умоляюще протягивали к пыльным окнам корзины со спелыми фруктами. Нерис купила всего понемногу и разложила съестное на белой салфетке – специально, чтобы соблазнить Эвана, который всю поездку просидел, уткнувшись в книгу. А затем она часами смотрела на Индию, проносившуюся за окнами поезда. Рисовые поля, тележки, запряженные буйволами, глинобитные домики сменялись душными городами с нарывающими волдырями трущоб и многоэтажек, за ними появлялись лагеря, где целые семьи жили под рваными брезентовыми навесами почти что на железнодорожном полотне; дым от бесчисленных пожаров рассеивался в смрадном воздухе. Затем пейзаж резко менялся: вновь тянулись зеленые рисовые поля и светло-коричневые пятна вспаханных огородов. Словно чумазных городов и вовсе не существовало.

В Дели они остановились в доме миссионера, где Нерис наконец узнала об эвакуации британского экспедиционного корпуса из Дюнкерка. В Дели ее ждали письма от родителей. Они писали о налетах вражеской авиации, дефиците продуктов и двух маленьких мальчиках из ее школы, которые погибли во время боевых действий. Привычный, любимый мир был в смертельной опасности, в то время как она сама находилась в непонятной и чужой стране. Она с тревогой думала о родных, о своем доме, а работа в Индии казалась ей теперь чем-то совершенно неважным и ненужным. Нерис очень хотела вернуться домой, ей было страшно, она тосковала так, что испытывала физическую боль. Однажды Эван застал ее у открытого окна. Нерис не могла дышать и жадно хватала ртом горький от копоти воздух. На полу валялся nedovязанный шерстяной носок и спицы. Она знала, что Лех – холодное место и на пути к нему предстоит преодолеть мили горных дорог. В этой жаре Нерис постепенно перестала понимать смысл слова «холод» и безотчетно отдалась паническому страху – у них было мало теплых вещей.

– Думаю, мы готовы ехать, – нахмурился Эван. Он решил не замечать ее плохого настроения. – Я закажу билеты в Чандигарх.

Благодаря помощи и советам миссии в Дели они собрали целую гору различных вещей и продуктов – от толстых войлочных сапог и одеял до коробок с маслом Дели Дайри Компани. Все было упаковано в дорожные тюки и надежно перевязано ремнями из кожи.

Нерис подобрала вязание.

– Эван, правильно ли мы поступаем? Тебе не кажется, что мы нужны дома?

Он опустил на стол стопку книг и бумаг.

– Из-за войны?

– Да.

Если бы они были дома, размышляла Нерис, Эван мог бы стать капелланом, а она работала бы учительницей в тылу.

– Господь призвал меня сюда, Нерис. Я поступаю согласно Его воле.

«Так считать очень удобно для тебя! – едва не прокричала она. – Но как же я? Я не знаю, какова воля Господа касаясь *меня*».

Однако Нерис так и не осмелилась произнести это вслух. Она всегда прикусывала язык, прекрасно понимая, что должна быть хорошей женой миссионера и выполнять все обязанности, возложенные на нее обществом. В любом случае она оказалась здесь по своей собственной воле. Если бы она не захотела выйти за него замуж, то осталась бы дома, а через несколько лет превратилась бы в старую деву и учила бы детей жизни, о которой сама совершенно ничего не знала. Но вместо этого она, замужняя женщина, направляется в Ладакх.

Через открытое окно доносились крики уличных торговцев и играющих детей. Где-то недалеко рыдал младенец, изредка слышалась приглушенная музыка. Нерис замерзла, руки начали неметь, она не чувствовала, держит ли что-нибудь в руках.

– Тебе плохо? – Эван положил ладони ей на плечи. – Может, позвать миссис Гриффитс?

Миссис Гриффитс – жена миссионера, у которой они остановились в Дели. Нерис совсем не знала эту женщину.

– Спасибо, не нужно, Эван. Я здорова. И я согласна. Мы готовы ехать. Давай закажем билеты.

До Чандигарха их довез поезд, дальше железнодорожного сообщения не было. Нерис и Эван пересели на грузовик. Вещи укрыли брезентом и привязали к перевернутой вверх ножками кровати, так и повезли в город под названием Манали. Здесь был последний форпост миссии, Эван намеревался заняться необходимыми приготовлениями перед тем, как отправиться в Лех, поэтому они запланировали провести в Манали три дня. Город раскинулся в прекрасной долине, в предгорье. Здесь воздух был кристально чист и наполнен сладкими ароматами. По вечерам острые пики гор окрашивались в нежно-розовый цвет, слу-

живший потрясающим фоном для темных сосен. Пейзаж заставил Нерис подумать о Швейцарии, хотя она никогда там не была. Она решила прогуляться вдоль ручья и посмотреть на орлов, парящих над горами. Ее душа тоже парила как птица. В последний вечер в Манали они поужинали при свечах на небольшой веранде с видом на сад. Когда Эван закончил есть, Нерис подскочила со своего места, подошла к нему, обняла за плечи и прижалась щекой к его волосам.

– Я очень рада. Прости, что сомневалась в мудрости этого решения, – прошептала она.

– Я молился, чтобы ты изменила свое мнение, – ответил он.

Нерис понимала, что это последняя ночь до самого Леха, которую они проведут в нормальной постели. За время медового месяца она четко уяснила, что в отношениях с мужем нельзя проявлять инициативу, но сегодня она нанесла капельку духов на шею и надела красивую ночную сорочку.

– Дорогая? – спросил Эван, едва она задула свечу.

С первыми лучами солнца караван из пятнадцати пони начали снаряжать в долгое путешествие. Потребовалось два часа, чтобы багаж четы Уоткинс перепаковали в небольшие тюки, которые должны были везти пони и нести носильщики. Невысокий жилистый мужчина по имени Сетхи возглавлял караван. От Манали до Леха было триста миль по древнему торговому пути. Днем они будут ехать верхом, на ночь останавливаться и ночевать в палатках.

– Пожалуйста, мем#сагиб. – Сетхи помог Нерис забраться в седло, вручил ей повод, украшенный помпонами и колокольчиками, и хлопнул пони по крупу.

Так началось их долгое путешествие в Лех. Впереди – триста миль крутого подъема и несколько опасных высокогорных перевалов. Потом Нерис будет вспоминать этот путь с каким-то недоверием – и как она смогла выдержать этот изнурительный поход? Все эти дни перед глазами стояла однообразная мутная картинка, ужасно болели ноги, немела поясница, все тело ломало от постоянной тряски. Наверх вела узкая тропа – несколько футов каменистой почвы между острым зубьями отколовшейся породы, и иногда тропа заводила их на узкий карниз, под которым не было ничего, кроме серебристой змейки-реки далеко внизу. Пони сами выбирали дорогу, погонщики только понукали их криками и несильными хлопками. Тюки ритмично покачивались на спинах животных, иногда опасно свешиваясь над пропастью. На ночь Сетхи и его люди устанавливали палатки. Нерис и Эван спали в одной из них, завернувшись в несколько одеял. Но холодный ветер добирался до их тел даже через несколько слоев шерсти. Мальчишка-поваренок разводил костер, быстро готовил жаркое из баранины и варил рис. По маленькому лагерю дружно передавали оловянные миски с горячей едой. Нерис никогда в жизни не испытывала такого голода. Ела жадно все, что ей давали. Эван с закрытыми глазами лежал в коконе из одеял. Он страдал от горной болезни, каждое утро просыпался с головной болью и целый день чувствовал слабость. Нерис давала ему аспирин и микстуру от кашля, заставляла его есть.

– Дорогой, съешь немного риса. Ты должен подкрепиться, иначе у тебя не будет сил работать, когда мы приедем в Лех.

Он опирался на локоть и съедал несколько крошек. Они спали урывками, подложив под головы седла, чтобы легче было дышать. Просыпались от малейшего шороха, голосов и смеха погонщиков у костра. Утром караван двигался дальше.

Через несколько дней Нерис с удивлением заметила, что окрепла и привыкла к климату. Она чувствовала себя счастливой. Теперь она стала замечать прекрасные пейзажи и вспоминать пики и широкие долины родной Сноудонии¹⁵. Нерис чувствовала себя гораздо лучше в холодном горном климате, чем под палящим солнцем индийских равнин. Она даже подру-

¹⁵ Сноудония – регион на севере Уэльса.

жила с проводниками и носильщиками, общалась с ними на языке жестов. Они громко смеялись, когда совершенно не понимали друг друга. Сетхи проникся симпатией к Нерис. Он ехал прямо перед ней на белом лохматом пони и иногда шел с ней рядом, когда Нерис, устав от постоянной тряски, спешила вела пони под уздцы две или три мили.

– Мем#сагиб очень сильная! – как-то многозначительно произнес Сетхи, при этом даже не взглянув в сторону Эвана.

Нерис никогда не забудет изнуряющий переход через перевал Баралача. Когда она, шатаясь, наконец добралась до высшей точки, ей показалось, что из ее тела выкачали весь кислород и вынули все косточки – настолько вымотал ее подъем. Лицо Эвана приобрело серый оттенок, он задыхался и едва держался в седле. Двое мужчин шли рядом с ним, чтобы поддерживать его. Нерис оглянулась. Позади нее, на юге, лежала вся Индия, а впереди, на севере, – незнакомые земли Азии. Она выпрямилась и глубоко вдохнула разреженный воздух. Сетхи внимательно наблюдал за ней.

– Добро пожаловать, мем#сагиб, – улыбнулся он.

Верховая езда, карабкање по горам, ночевки в палатке стали ежедневной рутиной, и внезапно все закончилось. Их маленький караван вышел на вершину невысокого холма, и прямо перед ними открылся вид на долину Инда. Вдоль берегов тянулись фруктовые сады и ореховые рощи, виднелись возделанные поля. Город расположился на солнечном склоне на фоне высоких белоснежных гор. Август подходил к концу, месяц назад они вышли из Шиллонга. По дороге в город им встретились несколько караванов пони, перевозивших на спинах огромные тюки соломы, стада коз, женщины, возвращавшиеся с полей. Нерис вспомнила холод, наступающий с гор, и убийственно-ветренный перевал, через который они только что прошли. Выше в горах уже лежал снег, на полуденном солнце он подтаивал, по склонам текли мутные ручьи, но ближе к вечеру они замерзали. Как только пони будут разгружены, погонщики отправятся назад в Манали. Они будут идти налегке, поэтому быстро, состязаясь в проворстве с наступающими холодами.

«Вот мы и на месте, – подумала Нерис, проходя мимо длинной стены-мани¹⁶, возвышавшейся на окраине города. Нерис с уважением поклонилась стене. – И мы будем здесь жить».

Это было год назад.

Нерис повернулась к мужу и приняла такую же позу, что и он, но старалась не придвигаться к нему слишком близко. Она вдохнула запах мыла, смешанный с запахом пота. Теперь, когда Эван заснул, она могла спокойно вспомнить прошлый вечер. Они поужинали. Дискит, женщина, которая готовила и подавала им еду, ела в кухне. Дискит недавно потеряла мужа и с радостью согласилась помогать молодой семье и жить в миссии, пусть взамен и требовалось демонстрировать некие признаки религиозности. Эван и Нерис слышали, как она открывает железную дверцу печи и подкладывает туда несколько лепешек сухого навоза, чтобы завтра утром не возиться с потухшей плитой и быстро приготовить обед для школьников. Запах варящейся баранины заполнил весь дом. Эван перевернул страницу книги. Нерис даже не требовалось смотреть на него, она почувствовала, что у мужа скверное настроение. Звуки, доносившиеся из кухни, всегда вызывали у него неприятные ассоциации.

Миссионеры Моравской церкви прибыли в Лех в 1853 году, чуть позже тут появились католики, и вот, через большой промежуток времени, образовалось представительство Пресвитерианской Церкви. Первые христианские миссии добились значительных успехов. Например, организовали производство железных печей, которые теперь были в каждом доме

¹⁶ Мани – стены и курганы, сложенные из камней-мани (камней с выбитой или нарисованной на них священной буддийской мантрой «Ом мани падме хум»). Иногда это просто камни с мантрой. Обычно они находятся на обочинах дорог. Проходящие делают подношения в этих местах для удачного завершения пути.

Леха, открыли первую типографию и почтовое отделение, перевели и напечатали Библию на тибетском языке. Эван прекрасно понимал: положение его миссии крайне шаткое, количество прихожан – мизерное. Особенно по сравнению с успехами Моравской церкви. Он корил себя за ошибки и медлительность и за то, что в его в жизни не было никакого прогресса, ни в духовной сфере, ни в делах практических.

– Ты не должен так думать. Они – наши братья-христиане, и у нас общие цели, – однажды попыталась урезонить его Нерис.

Сейчас в Лехе проповедовали один миссионер англичанин и супружеская пара из Бельгии. Пожилой пастор всю свою жизнь посвятил Моравской церкви в Индии и собирался на пенсию. Зимой, когда Лех оказывался в снежной ловушке, они оставались единственными европейцами в городе. Нерис волей-неволей прониклась симпатией к англичанину и бельгийцам. А еще в Лехе жила мадам Гомперц, она и Дискит помогали Нерис после выкидыша.

В тот вечер Нерис все время молчала, Эван первым нарушил тишину. Он положил вилку и нож, отодвинул тарелку и наконец отвлекся от книги.

– Нерис, нам нужно поговорить.

– О чем?

– Скоро зима.

Может, кому-то и требовалось об этом напомнить, но только не Нерис. Она очень хорошо запомнила прошлую зиму: убийственный холод и тишина, монотонность и бессмысленность дней; вода в кувшине замерзала, изо дня в день приходилось есть одно и то же, и ко всему этому их изолированный мирок – от всего этого хотелось кричать. Нерис даже не предполагала, что перенести это будет настолько сложно.

– Да, я знаю.

– Я не могу оставаться в миссии. Я путешествую летом, а в это время люди покидают деревни и живут в палатках рядом со своими стадами. Но если бы я пришел к ним зимой, застал бы всех на месте. У них будет меньше работы, и их больше заинтересуют мои проповеди.

Нерис представила себе это путешествие. Основная дорога вела из Леха в долину, несколько троп карабкались вверх, в горы, к отдаленным деревням и гомпам, окружавшим город, но даже местные жители не рисковали ходить по ним зимой. Сильные морозы, ветра, снегопады превращали горные тропы в смертельные ловушки.

– Я поеду с тобой, – заявила она.

Эван промолчал.

«Посмотри на меня!» – отчаянно молила она. Наконец их взгляды встретились. Нет, в его глазах не было ненависти, он ни в чем не обвинял ее, но ребенок, которого она потеряла, стал непреодолимой стеной между ними и, возможно, в будущем станет поводом для развода. Эван очень хотел ребенка, а еще ему нужна сильная, крепкая духом и телом жена, способная поддержать его в любой ситуации. После выкидыша и продолжительной депрессии жены Эван больше не полагался на ее силы. Более того, он презирал себя за то, что не смог поддержать жену в трудную минуту и долгое время испытывал только разочарование и злость. «Это тупик», – устало подумала Нерис. Они не могли даже откровенно поговорить друг с другом. Он тоже переживал из-за ребенка, горевал, как и она, но настолько боялся показаться слабым, что даже в самый сложный период не проявлял никаких эмоций. А у Нерис не было сил пробиваться сквозь его защиту и глупое упрямство. Она начинала злиться, поскольку Эван без зазрений совести маскировал свою неуверенность напористостью и капризами по всяким бытовым мелочам.

– Категорически запрещаю, – произнес он ледяным тоном. – Ты должна заботиться о себе. Я не смогу обеспечить должный уход за тобой, пока мы в пути.

Нерис отвернулась от него. Плотно сжала губы. Они превратились в тонкую линию на бледном лице.

– Ты хочешь бросить меня одну?

Эван удивленно посмотрел на нее.

– О чем ты говоришь? С тобой будут ученики, прихожане, миссис Гомперц, Генри Буллер, остальные соседи. Слуги тоже присмотрят за тобой.

Очень медленно Нерис сложила салфетку и вдела ее в деревянное кольцо. Она встала, тяжело опираясь на спинку стула.

– Спасибо.

Нерис решила спрятаться в кухне. Дискит мыла тарелки и столовые приборы в жестяном тазу. Ее блестящие волосы были убраны под цветастую косынку – Нерис попросила ее об этом. Щеки Дискит были такого же красного цвета, как и ее косынка.

Мужчины сидели на скамейке возле стены, войлочные сапоги лежали рядом с дверью, ведущей на задний двор. Дискит швырнула вилки на металлический поднос. Громкий звук заставил Нерис недовольно нахмуриться.

– Дискит, в чем дело?

– Мэм, в Лехе много работы. Это мой двоюродный брат, он приехал из Алчи, – кивнула она в сторону одного из мужчин.

– Джуллей, – пробормотал мужчина.

Девушка неплохо говорила по-английски, а Нерис выучила несколько ладакхских слов, поэтому им почти не приходилось прибегать к языку жестов. В Лехе сейчас находилось много людей: был разгар сезона, и торговцы прибывали целыми караванами из Лхасы, Яркенда и Кашгара на востоке и Пенджаба на западе. Купцы из Тибета и Туркестана привозили ковры, золото и серебро, обменивали их на чай и хлопок. Местные жители продавали всевозможные изделия из шерсти, а также грубую шерсть яка и пашм самого высокого качества. Базар не умолкал до самой ночи. Британский торговый представитель также находился здесь. Он следил за порядком и выдавал паспорта с указанием места назначения. До наступления холодов, пока древние пути свободны от снега, такой документ должен быть на руках у каждого торговца. На завтра было запланировано ежегодное чаепитие в резиденции, на которое Эван и Нерис были приглашены вместе с остальными жителями города. В прошлом году они приехали слишком поздно и не успели на праздник. Теперь Нерис с нетерпением ждала этого события. Монотонность дней буквально убивала ее, а большой прием мог стать хорошим лекарством от скуки. Она уже знала, какую блузку наденет, и недавно собственноручно постирала и отутюжила ее: местная прислуга могла оставить заломы на воротнике и поставить пятна. Она только что закончила вязать кардиган. У нее получилась прекрасная вещь из самой мягкой и легкой шерсти. Этим вечером она хотела пришить дюжину перламутровых пуговиц, чтобы появиться в обновке на приеме.

– Мэм, послушайте, – щеки Дискит покраснели пуще прежнего, – мой брат встретить сагиб и мем#сагиб. Англичане, завтра в Лех. Следующая неделя Шринагар.

Мужчины энергично закивали. Из торопливых и сбивчивых объяснений Нерис смогла понять, что участники сафари возвращались из долины Нурба. Там были носильщики, повара, егеря, или, как их называли в Индии, шикари. Они везли большие тюки с трофеями, палатками, ружьями и всем, что необходимо для длительной экспедиции. Сафари организовали джентльмен и леди из Англии.

Это потрясающая новость. Любопытство, желание поговорить с новыми людьми, узнать о приключе-

ниях – эмоции захлестнули ее, и на этой волне к ней вернулись мужество и хорошее настроение. И она совершенно забыла про Эвана, угрюмо сидевшего с книгой за обеденным столом.

– Мэм, вы должны это знать, – настаивала Дискит. Похоже, у нее еще остались важные новости.

Нерис догадалась, что на пути из Леха в Тикси путешественники останавливались в небольших придорожных гостиницах, и поэтому она никогда не встречалась с ними. Гостиницы были построены за счет британского правительства или должностных лиц, пребывавших в этом районе и нуждавшихся во временном жилье. В этих домиках на стенах расплывались пятна плесени, на подоконниках громоздились кучи мертвых мух. Неудивительно, что путешественники искали альтернативные варианты жилья. На завтра намечена вечеринка, поэтому в резиденции уже не было свободных мест для гостей.

– Они должны переночевать у нас, – сразу же предложила Нерис.

В миссию редко приезжали гости. Все европейцы останавливались либо в резиденции, либо у Гомперцов. Дом Генри Буллера обычно обходили стороной. Нерис уже прокручивала в голове перечень необходимых дел. Нужно проветрить постельное белье, нагреть достаточное количество воды. Почистить кувшины и тазики для умывания. Достать чистые полотенца и поставить букеты цветов на прикроватные столики. И как на эти несколько дней разнообразить скудное меню?

– Дискит, завтра первым делом приберись в спальне. Вымой пол и тщательно вытри пыль.

Дискит энергично закивала, демонстрируя рвение и понимание важности поставленной перед ней задачи.

– Мой брат может пригласить сагиба.

– Да, замечательно. – Нерис повернулась к мужчинам, отдыхавшим на скамейке: – Возвращайтесь в лагерь и передайте, что мы приглашаем путешественников в наш дом. Запомнили? Приглашаем.

Отдав последние распоряжения, она вернулась к Эвану, который все так же сидел за столом над грязной тарелкой.

– Где Дискит? За что мы ей платим? Может, мне самому вымыть посуду? Или она все же найдет время для выполнения своей работы?

– Эван, завтра у нас будут гости.

Муж нахмурился. Нерис восприняла новость с энтузиазмом, а он насторожился. Появление в доме незнакомцев означало, что привычный распорядок будет нарушен, а еще он опасался того, что окажется у всех на виду, что над ним будут смеяться. Он выглядел таким несчастным, что Нерис захотелось подойти, прижать его голову к груди, нежно погладить седые волосы и сказать: «Все будет хорошо!» Но между ними не были приняты подобные жесты. Усталость, которая на время отступила, вновь вернулась к Нерис.

– Дискит сейчас придет. Я попросила ее кузена передать наше приглашение путешественникам. Я иду спать. Эван, завтра тяжелый день.

– Я посижу еще полчаса, – напоследок бросил он.

Сон не шел. Нерис была зла. Ее выводило из себя то, что муж так спокойно засыпал, пока она сама ворочалась в постели, чувствуя себя одинокой и никому не нужной и переживая из-за недавних размолвок с мужем. Она подумала: может, Эван не догадывается, что в их семье разлад и они с меньшей симпатией стали относиться друг к другу? Вполне вероятно, что она не стояла достаточно высоко в иерархии важного для него и поэтому не заслуживала и капли внимания. «Прекрати! – приказала она себе. – Такие мысли до добра не доведут. Спи. Попробуй уснуть». Тело сводило судороги, когда она пыталась сдерживать себя и не прикасаться к мужу. Она слишком устала, но не могла расслабиться. Время тянулось очень медленно. До восхода оставалось несколько часов.

После обеда прибыли путешественники. Нерис как раз проводила занятие с малышами, старший класс она отправила домой – все равно дети приходили в школу лишь за порцией риса и чечевицы. Но некоторые из них остались поиграть в миссии. Под веселый гам детей во двор стали заходить тяжело груженные лошади и погонщики. Нерис и Эван услышали заливистый лай собаки. Школьники столпились у ворот и глазели на путешественников. Нерис быстрым шагом пересекла дворик и подошла к гостям. Она увидела высокого мужчину в широкополой шляпе и кожаном охотничьем костюме и женщину, которая вела пони под уздцы, нежно поглаживая его бархатистый нос. На ней были высокие сапоги и бриджи, лицо закрывала вуаль, закрепленная на пробковом шлеме. Вереница носильщиков и груженных пони несли запыленные тюки. Женщина подняла глаза и увидела Нерис. Передав уздечку одному из погонщиков, она откинула вуаль, приветливо улыбнулась и обеими руками тепло пожала руку Нерис.

– Миссис Уоткинс, вы наша спасительница! – Голос у нее был приятным, теплым. – Вы не представляете, что это значит для меня и для Арчи! Еще одна ночь в палатке – и я бы погибла.

Она была ростом с Нерис. У нее были темно-карие глаза, черные брови и яркие губы. Когда она сняла пробковый шлем, Нерис с удивлением увидела, что ее темные волосы коротко подстрижены. Но даже с мужской прической и в мужском походном костюме она выглядела очень женственно и мило. У нее была прекрасная фигура: тонкая талия, длинные ноги. Ее очарование не могли скрыть даже мешковатые штаны и толстое шерстяное пальто.

– Добро пожаловать в нашу миссию! – улыбнулась в ответ Нерис. – У нас, конечно, не «Савой», но лучше, чем придорожная гостиница.

Мужчина отдал последние распоряжения слугам и подошел к женщинам.

– Миссис Уоткинс, рад знакомству. Меня зовут Арчи МакМинн. Мы в неоплатном долгу перед вами.

У Арчи были светлые волосы, добрые светло-голубые глаза. Густая борода и загар были яркими свидетельствами долгого похода. Разговаривал он с легким шотландским акцентом.

– Миртл. Я – Миртл, – со смехом произнесла его жена.

– Нерис.

Они пожали друг другу руки, и в этот момент у Нерис появилось странное чувство, будто она знает эту женщину сто лет. Она посмотрела на Миртл МакМинн и отвлеченно подумала: «Я знала, что ты где-то есть. Наконец-то мы встретились!»

– Заходите. Вы, наверное, устали. Сейчас будет нормальный ужин, а потом отдохнете на нормальных кроватях. Я прекрасно помню, каково это – провести неделю в горах, – сказала Нерис.

Эван тоже вышел во двор, некоторое время он стоял на свету, как темная колонна, потом поздоровался с гостями. Эван любезно сообщил им, что пресвитерианская миссия будет им домом столько времени, сколько они сами того пожелают. Нерис с благодарностью улыбнулась ему.

Вскоре путешественников окружили дети, особого внимания удостоилась Миртл МакМинн. Она сняла перчатки, порылась в карманах пальто и извлекла пригоршню конфет, которые тут же оказались в смуглых ручках.

– Джуллей! – Она потрянула пустой сумкой, показывая, что сладостей больше нет, но дети следовали за ней до дверей дома.

Тогда Нерис строго сказала, что им пора по домам, и, шикнув, разогнала маленьких попрошаек. Затем она пригласила МакМиннов в свою комнату.

– Тут так красиво! – воскликнула Миртл. – Арчи, посмотри, какая прелесть!

Нерис сказала, что Дискит скоро принесет горячую воду, если им что-нибудь понадобится, можно обращаться к ней. Арчи МакМинн заметил, что им не помешают два холщовых чехла, в которые они завернут вещи перед отправкой с носильщиками. Все остальное, включая его трофеи, перевезут на пони в лагерь, расположенный рядом с полем для игры в поло в южной части города.

– Понимаешь, он с ума сходит по своим трофеям, – пожаловалась Миртл. – Два гигантских барана с витыми рогами, олени, еще какие-то животные, я даже названий не знаю. Если бы на то была воля Арчи, мы бы до сих пор сидели в горах.

– Мы ездили на сафари, милые барышни, – рассудительно заметил Арчи, – так чего же вы ожидали?

Супруги производили впечатление спокойных, уравновешенных людей. Им явно было легко и хорошо друг с другом. Нерис была счастлива, что после долгой поездки и скитаний по горам они наконец оказались в безопасности, в компании своих соотечественников. Впрочем, она не сомневалась, что даже на необитаемом острове они будут счастливы. Дискит принесла первую порцию горячей воды, и Нерис удалилась, чтобы не мешать гостям переодеваться.

Их приезд разрядил напряженную атмосферу в доме миссионеров. Дискит постоянно что-то напевала себе под нос, Эван перестал бросаться на домашних и требовать немедленно подать ему ланч. Нерис разложила ложки и вилки и пошла в кухню проверить тхукпу¹⁷ – самое надежное блюдо из арсенала Дискит. Вскоре к ней присоединились МакМинны. Арчи сбрил бороду. Миртл осталась в брюках, но была уже без фланелевой накидки, только в светлой рубашке и с ниткой жемчуга на шее.

– Я бы с удовольствием надела платье, – извиняющимся тоном произнесла Миртл, – но у меня нет с собой. Не возражаешь?

Нерис разгладила свою старую твидовую юбку.

– Конечно нет. Тебе очень идет.

– Неправда. Так я похожа на моего брата.

Миртл провела рукой по коротким взъерошенным волосам и пренебрежительно пожала плечами. Но Нерис никогда бы не смогла спутать ее с юношей. Эван придвинул для Миртл стул. МакМинны сели за стол и смиренно склонили головы над мисками с тхукпой, пока Эван произносил длинное благословение над хлебом насущным. В небольшое окошко проник солнечный лучик. Нерис с удовольствием закрыла глаза и несколько секунд наслаждалась теплом. После бессонной ночи она чувствовала себя не совсем настоящей, словно реальность ускользала от нее. Открыв глаза, она увидела, что Миртл внимательно смотрит на нее. Нерис не возражала. У нее было чувство, что ее приняли, что ей нечего скрывать. Это была замечательная трапеза. Эвану понравился Арчи, и он сдержанно улыбался, когда Миртл весело рассказывала о своих приключениях. Охотясь на дичь, Арчи и Миртл исследовали все отдаленные нуллахи¹⁸, преодолевали реки и перебирались через горы, рискуя жизнью на крутых склонах. Во время ночевки ураган срывал их палатку. В тех местах не было дров, не было еды для продажи или обмена и на десятки миль вокруг не было ни единой живой души. Каждое утро, в любую погоду, Арчи брал ружье и отправлялся на охоту.

– Все друзья Миртл остались в Шринагаре играть в теннис и пить коктейли в клубе, но она настояла на том, чтобы поехать со мной, – сказал Арчи. – Разве я мог ее отговорить? Я пожертвую всем – кроме охоты, конечно, – ради безопасности и комфорта жены, но в горах это просто невозможно.

¹⁷ Тхукпа – тибетский суп на основе лапши.

¹⁸ Нуллах – высохшее русло реки.

Миртл улыбнулась мужу:

– Неужели ты думал, что я упущу великолепную возможность утонуть или замерзнуть насмерть? Интересно, сколько коктейлей нужно выпить, чтобы получить такой незабываемый опыт? Дорогой, я даже согласна делить твою любовь с оленями и ружьями. И ты прекрасно понимаешь, почему я решила ехать. – Она повернулась к Нерис. – Потому что жены должны следовать за мужьями.

– Я бы тоже не захотела остаться, – согласилась Нерис. – Иначе какой смысл в браке?

На самом деле Нерис действительно не знала, какой смысл в браке, а вот МакМиннам, похоже, был известен этот секрет. Эван достал старомодные карманные часы и нервно посмотрел на них. В это время он должен был или читать проповедь, или писать важные письма. Но, к немалому удивлению Нерис, когда Арчи сказал, что собирается выйти покурить, Эван приветливо предложил составить ему компанию. Они вышли на солнце и уселись в шезлонги. Эван раскурил свою трубку. Он редко позволял себе такую роскошь.

Миртл отодвинула тарелку и откинулась на спинку стула.

– Ну вот, – улыбнулась она.

Нерис думала о том, что необходимо сделать по дому до того, как начнется вечеринка в резиденции. Дискит следует дать четкие инструкции по поводу ужина, который она должна будет подать гостям. И нужно наполнить емкости горячей водой. Потом она вспомнила про новый кардиган.

– Ох! – вздохнула она.

Миртл наклонилась к ней и прикоснулась к руке.

– Что-то случилось?

Нерис очень хотела рассказать ей. Ведь она ее подруга, разве это не означает, что ей можно доверять? Но смогла только прошептать:

– Я забыла о том, что следует сделать, вот и все. Я хотела закончить кардиган к вечеринке. Теперь придется надеть что-то другое. Не важно.

Миртл внимательно посмотрела на нее. «Все же она очень проницательная женщина», – подумала Нерис.

– Еще есть немного времени. Давай посмотрим, что можно сделать.

Нерис даже не пыталась протестовать. Миртл присела на край кровати, Нерис показала ей свой кремовый кардиган. Женщины посоветовались и сошлись во мнении, что не следует портить прекрасную вещь неаккуратно пришитыми пуговицами.

– У меня есть идея, – сказала Миртл.

Она ушла в свою спальню и через некоторое время вернулась с брошью. Миртл протянула ее Нерис. Брошь украшали крупные жемчужины и яркие бриллианты.

– Можно сколоть спереди. А пуговицы на рукава пришивать не будем. Просто отвернем вот так, в виде манжет. Какая прекрасная работа! У тебя очень хорошо получается.

На туалетном столике стояло маленькое помутневшее зеркало. Миртл и Нерис вместе посмотрелись в него. Брошь засияла в одиноком луче солнца, проникшем между створок жалюзи.

– Я действительно могу взять ее?

– Конечно можешь. Наверное, ты считаешь, что глупо брать с собой украшения в путешествие. Но эта брошь принадлежала матери, я всегда ношу ее с собой, ожерелье тоже. – Миртл прикоснулась к нитке жемчуга.

– Спасибо.

– Вот и хорошо. Проблема решена. Почему бы тебе не прилечь? Мужчины беседуют. А мне нужно сделать запись о сегодняшнем дне в путевом журнале.

Они поняли друг друга. Миртл заметила ее усталость.

– Слуги... – начала Нерис.

– Сами со всем справятся, – уверенно закончила Миртл, разворачивая одеяло. – Ложись.

Нерис послушно скользнула под теплое одеяло, новая подруга помогла ей снять обувь. Постель приняла ее в свои уютные объятия, жалюзи были опущены и почти не пропускали свет. Нерис закрыла глаза и позволила себе утонуть в подступающих сновидениях.

В саду резиденции вечеринка была в разгаре. Собрались все важные персоны Леха и большое количество приезжих торговцев, которые в скором времени покинут город и вернутся к себе домой. Близились зима. Здесь был праздник прощальной улыбки лета. Вместе с последней чашкой послеполуденного чая и последним пирожным закончилась официальная часть приема. Голоса гостей и музыка стали громче и веселее. Местные и путешественники собирались гулять до позднего вечера. Торговый уполномоченный¹⁹, невысокий полный мужчина с веселым лицом, произнес приветственную речь и теперь расхаживал среди гостей со стаканом виски в руках. Приближался вечер. Солнечный свет потускнел, на небе появились первые звезды, белые пики гор окрасились в нежно-абрикосовый цвет. В центре сада разожгли огромный костер. Мужчины облили дрова керосином и забросили в середину несколько факелов. Тут же костер превратился в полыхающее огнем, ревущее чудовище. Множество факелов привязали к высоким шестам, которые расставили по всему саду. Они обдавали гостей жаром и отбрасывали на их лица причудливый свет. В воздухе летали облачка черного дыма.

Нерис спала крепко, и ей потребовалось много времени, чтобы сквозь толщу сна пробиться к реальности. Ей казалось, что прошла целая вечность, хотя Эван дал ей поспать всего час. Голова раскалывалась, ей пришлось протолкнуть две таблетки аспирина в пересохшее горло, прежде чем она смогла подняться с постели и начать одеваться. На то, чтобы застегнуть кардиган брошью Миртл, ушли последние силы. Бросив мимолетный взгляд на зеркало, Нерис увидела свое белое как полотно лицо.

В резиденцию она пошла вместе с МакМиннами. Перед тем как выйти из дома, Миртл внимательно посмотрела на нее.

– Уверена, что хочешь пойти? – шепотом спросила она.

Нерис кивнула.

В саду ей стало немного лучше. Она улыбалась знакомым и с интересом наблюдала за шествием совершенно незнакомых ей людей в ярких национальных костюмах. Но потом ей пришлось спасаться бегством от нестерпимого жара костра и запаха керосина, от которого ее начало тошнить. Мужчины из Яркенда танцевали на фоне пламени, они ритмично топали ногами, сопровождая свои движения ударами в барабан. После них появилась процессия монахов в традиционных маскарадных масках. Двое мужчин в гротескных одеяниях раскачивались и изгибались в разные стороны, исполняя таинственный танец. За ними шествовали люди с головами стервятников и оленей. И наконец появился огромный дракон. Массивное тело на тридцати человеческих ногах извивалось, подобно потоку лавы. Он повернул морду к Нерис. Огромные черные глаза смотрели прямо на нее, из пасти торчали острые зубы и алый язык. Движения танцоров создавали полную иллюзию того, что перед ней живое существо. Из-за темной массы деревьев и темного неба создавалось впечатление, что ее захлопнули в сундуке. Музыка отзывалась болью в висках. Нерис почувствовала, что теряет сознание. Вокруг не было ни одного знакомого лица. Огромные птичьи головы склонились над ней. Потом была пустота.

¹⁹ Торговый уполномоченный – официальный представитель Великобритании в доминионах.

Глава 4

Когда Нерис пришла в себя и открыла глаза, она увидела несколько лиц, склонившихся над ней. Ее голова лежала на чьих-то коленях.

– Скажите им, чтобы расступились. Ради бога, ей нужен воздух!

Это был голос Миртл. Арчи МакМинн решительно оттеснил зевак. Кто-то подал флакон с нюхательной солью, Нерис закашлялась от резкого запаха. Она попыталась сесть. Взгляд сфокусировался на лице Эвана. Он стоял на коленях перед ней.

– Прости, – прошептала она.

– За что? – спросила Миртл.

Положив руку на лоб Нерис, Миртл нежно уложила ее голову на свои колени.

– Арчи, пожалуйста, попроси этих людей разойтись, – потребовала она.

Поблизости запускали фейерверки, на землю лился поток кроваво-красных искр. Появился торговый представитель, его щеки горели от беспокойства и смущения.

– Мистер Уоткинс, сейчас найдем носилки и отнесем вашу жену в дом.

Нерис с трудом поднялась и села на скамейку.

– Я в порядке. Пожалуйста, позвольте мне встать.

Заботливые руки помогали ей, кто-то тянул ее вверх, кто-то поддерживал. Нерис повернулась и посмотрела Миртл в глаза.

– Помоги мне, – прошептала Нерис.

Миртл сразу же поняла, что нужно делать. С ее помощью Нерис встала и оперлась на ее руку.

– Думаю, носилки не нужны, не так ли? Молодец. Мы пойдем в дом.

– Нерис... – начал было Эван.

Нерис плохо себя чувствовала, у нее не было сил успокаивать Эвана или постараться загладить неловкость. Разумеется, ее внезапный обморок, да еще и на глазах у всего города, может плохо отразиться на репутации Эвана.

– Миссис МакМинн позаботится обо мне, – натянуто улыбнулась Нерис. – Голова закружилась. Вот и все. Пустяки.

– Дружище, не переживай. У Миртл все под контролем, – добродушно пророкотал Арчи и похлопал Эвана по плечу – мол, не будем лезть в женские дела.

С помощью Миртл Нерис медленно сделала несколько шагов по направлению к дому. Перед ней семенил торговый представитель. Словно ледокол, он врезался в толпу и расчищал путь для женщин. Когда они уже были на веранде резиденции, чиновник вежливо объяснил, что все гостевые спальни заняты, но он с радостью поможет дамам добраться до миссии. Также он распорядился вызвать врача, которого по чистой случайности сегодня не было в резиденции. Миртл поблагодарила его:

– Вы очень любезны, но вас ждут гости. Возвращайтесь к ним. Думаю, слуга укажет нам какой-нибудь тихий уголок, где мы побудем несколько минут.

Англичанин с радостью согласился с ней. Моментально появился слуга и провел их в комнату с плотно закрытыми ставнями, через которые почти не проникал шум вечеринки. По видимому, здесь расположился мужчина. Нерис увидела на стенах несколько картин, изображающих сцены игры в поло. В углу стояла кровать с медной спинкой, возле нее – пара блестящих сапог с высокими голенищами. К счастью, возле стены была небольшая кушетка, на которой лежал свернутый плед. К счастью – потому что Нерис не смогла бы лечь на кровать незнакомого мужчины. Миртл развернула плед.

– Ложись. Хочешь воды? Может, сладкого чаю?

Нерис облизнула пересохшие губы.

– Спасибо. Ты очень добра. И днем, и вот сейчас.

Миртл села рядом, взяла Нерис за руку и стала осторожно растирать пальцы, согревая их.

– За тобой нужно присматривать. Лех – не самое лучшее место для женщины в твоём положении.

Нерис не смогла сдержаться. Она старалась, сжимала челюсти, зажмурировала глаза, но ничего не помогло. Первое рыдание вырвалось из груди. Слезы полились ручьем, лицо покраснело. Она задыхалась, сквозь рыдания прорывались горькие слова:

– Я не... Я не думала, что так будет... ребенок... У меня был ребенок, но я его потеряла.

Она не могла больше говорить и просто плакала. Впервые после выкидыша она смогла как следует выплакаться. Миртл обнимала ее. За долгие недели это были самые теплые, самые желанные объятия. Миртл шептала возле самого уха:

– О боже, я не знала. Прости. Я такая глупая! Прости. Я ничего не знала. Тебе плохо? Ты просто еще не оправилась. Бедная моя девочка! Поплачь, милая, поплачь.

Миртл нежно гладила ее по голове, успокаивала тихим, нежным голосом, и Нерис плакала, как двухлетняя девочка. Постепенно она стала успокаиваться. Нерис подняла красное от слез лицо. Воротник Миртл пропитался ее слезами. Подруга достала из кармана фланелевых брюк большой носовой платок, нежно вытерла слезы со щек Нерис и отдала ей платок.

– Платок Арчи. Кружевные финтифлюшки тут бесполезны, правда? Этот я стирала в горной реке и ароматизировала керосином. Давай, высморкайся как следует.

Нерис высморкалась, потом тяжело вздохнула. Ей действительно стало легче.

– Сегодня я показала себя очень слабой. Я бы не хотела, чтобы люди думали так обо мне. На самом деле я не такая беспомощная.

– Слабая? Ты живешь в этой глуши совсем одна, руководишь школой, занимаешься домом. Нерис, ты очень сильная! – Миртл улыбнулась и вытерла последние слезинки с ее щек. – Вот посмотри на меня. Полгода я прохлаждаюсь на озере в Шринагаре, потом отправляюсь на охоту с верным мужем в сопровождении одиннадцати слуг. Девочка моя, по сравнению с тобой я слабая и бесполезная. А еще очень испорченная.

Миртл машинально накручивала нитку жемчуга на палец. У Нерис сердце оборвалось. Она почувствовала, что ее кремовый кардиган (он был в пыли, сухих веточках и листочках) расстегнут. Нерис нервно вскинула руку. Броши не было.

– Она пропала! – всхлипнула она.

Миртл что-то достала из заднего кармана брюк. Это была брошь.

– Она расстегнулась. К счастью, ты не поцарапалась.

Женщины посмотрели друг на друга и весело рассмеялись. Миртл взъерошила свои короткие волосы. Она напоминала задиристого парнишку. Нерис откинулась на подушки. Теперь уже смех полностью лишил ее сил. В комнату постучали. Из#за двери донесся голос торгового представителя:

– Мадам, прибыл доктор.

Доктор Церинг торопливо шагнул в комнату. Он создавал впечатление суетливого и любопытного человека. Церинг был единственным врачом в Лехе. Как и многие другие, он проводил в городе несколько недель в году. Все остальное время доктор разъезжал по деревням и, как мог, лечил местных жителей, хотя все прекрасно понимали: таблетками из коричневой банки ни проказу, ни туберкулез не вылечить. Нерис сожалела о том, что вечно занятого и усталого доктора вызвали в резиденцию из#за какого-то обморока. Она решила не раскисать.

– Мне уже намного лучше, – сказала она.

– Смех – прекрасное лекарство, мадам. – Доктор достал из походного саквояжа стетоскоп. – Пожалуйста, лягте на спину.

Через несколько дней доктор Церинг нанес еще один визит Нерис (на этот раз он навещал ее в миссии) и заявил, что она может отправляться в путешествие.

– Но я не планирую ничего подобного! – запротестовала удивленная Нерис.

В компании Миртл она быстро восстановила душевные силы и прекрасно себя чувствовала. Они с удовольствием проводили время за тем, что Арчи называл «игольничество». Женщины решили поставить с младшими детьми небольшую пьеску и теперь шили для них костюмы. Но в основном они играли с детьми, ходили на базар или просто болтали, сравнивая свои жизненные истории. Нерис рассказывала про Уэльс, серые горы и туманные долины. Она скучала по дому, но только рядом с Миртл поняла, насколько сильна ее тоска. Миртл тоже много рассказывала о себе. Отец находился на государственной службе в Индии, был чиновником средней руки, все ее детство прошло в скитаниях по родственникам в Англии и нечастыми визитами в Индию.

– Я почти не видела маму и папу, – посетовала Миртл.

Арчи работал инженером на железной дороге. Через несколько дней его долгий отпуск заканчивался, и МакМинны должны будут вернуться в Шринагар. Нерис уже начала скучать по новым друзьям. У Арчи абсолютно не было времени. Он расплатился с носильщиками и егерями, участвовавшими в сафари, и теперь занимался своими трофеями и нанимал людей для путешествия в Кашмир, посещал торгового представителя и других важных людей в Лехе. Но однажды утром, после очередного приема в резиденции, Арчи вернулся в миссию и решительным шагом направился через веранду в комнату Эвана, где стояло старое радио.

– Давайте послушаем новости Би-би-си, – пробормотал Арчи.

– Боюсь, радио не работает, – пожал плечами Эван. – Я его ни разу не включал.

Арчи понимающе кивнул и принялся откручивать заднюю крышку приемника. Примерно через час он заявил, что с радио все в порядке, за исключением массивного аккумулятора, который был полностью разряжен. В резиденции был свой приемник, еще один – у миссис Гомперц, поэтому срочные новости из внешнего мира приходили к Уоткинсам достаточно быстро, но полную картину происходящего они могли узнать только из газет и писем, которые получали с большой задержкой. Эван согласился с тем, что в миссии должно быть свое радио. И в тот же день четверо кули²⁰ погрузили огромную свинцовую батарею на арбу. Меланхоличный вол медленно потащил ее к реке, на которой был установлен электрогенератор. На следующий день аккумулятор водрузили на место. Не обошлось без любопытных детей, которые танцами, шумом и смехом сопровождали повозку с аккумулятором. Дети завороченно наблюдали за тем, как Арчи колдует с отверткой и плоскогубцами. Через несколько минут радиоприемник оглушительно зашипел. Дети с визгом бросились врассыпную. Арчи покрутил ручку приемника, и через некоторое время сквозь шум помех и монотонный гул голосов пробилась детская песенка на английском. Теперь дети были в абсолютном восторге. Арчи отряхнул руки.

– Готово.

После обеда, едва Дискит убрала со стола, вся компания подвинула стулья ближе к приемнику и приготовилась слушать новости. Немецкие войска подошли к Ленинграду и почти полностью блокировали его. Война в Европе охватывала все большие территории. Даже в Лехе нельзя было чувствовать себя в безопасности.

Эван положил закладку между страницами Библии и закрыл ее.

– Нерис, я думаю, тебе следует поехать в Шринагар вместе с мистером и миссис МакМинн. Мистер МакМинн любезно предложил сопроводить тебя.

²⁰ Кули – наемный работник, батрак.

Нерис опустила вязание. Они с Миртл переглянулись. В глазах обеих женщин читалось удивление. Судя по всему, мужья договорились об этой поездке за их спинами. Очевидно, доктор Церинг также участвовал в этом заговоре. Нерис едва сдерживала гнев. Чтобы не выдать себя, она судорожно провязала пять петелек, затем дрожащим голосом спросила:

– Почему я должна ехать?

– Тебе нужно отдохнуть и набраться сил перед зимой.

– А как же ты?

Эван сделал паузу, потом ответил, растягивая слова:

– Дорогая, мы уже обсуждали эту тему. Я буду ездить по деревням, окружающим Лех. Нужно нести слово Божье людям, а не ждать, пока люди сами придут к Богу.

Нерис украдкой бросила взгляд на Арчи. Он сидел, вытянув длинные ноги, и демонстрировал олимпийское спокойствие. Нерис вернулась к вязанию.

– Пожалуй, не стоит утомлять гостей спорами. Мы можем обсудить этот вопрос позже.

Миртл ласково посмотрела на нее:

– Я буду счастлива, если ты поедешь с нами, Нерис. Тебе это пойдет на пользу.

Поздно вечером в супружеской спальне Эван, задув свечу, неловко забрался под одеяло и просто сказал:

– Спокойной ночи, дорогая.

Нерис повернулась к нему лицом и вперила взгляд в темный силуэт.

– И это все?

Он отодвинулся от нее – на полдюйма, не больше, но Нерис почувствовала это. Маленькое движение, но столько скрытого смысла в нем. Нерис все поняла. Муж больше не рассматривал ее в качестве помощницы и компаньона, он считал, что она – еще одна помеха на его пути.

Через три дня сумка с вещами Нерис стояла во дворе миссии. Рядом возвышалась огромная куча вещей МакМиннов. Слуги поспешно распределяли между собой груз и навьючивали пони. Нерис раздавала яблоки и сушеные абрикосы местным детям. Не только ее ученики, но и все дети, которые заглядывали во двор миссии, получали лакомства из ее рук. Среди оравы детей она заметила троих отпрысков Дискит. Кухарка стояла на крыльце и плакала. На ней не было платка. Нерис поставила корзину с фруктами на землю и подошла к Дискит.

– Не плачь, я вернусь через два месяца. Сагиб привезет меня домой.

Слезы градом покатались по ее щекам. Нерис обняла кухарку, вдохнула запах ее волос.

– Не забывай надевать косынку. Особенно когда готовишь. И позаботься о сагибе. Ради меня.

Дискит шмыгнула носом, вытерла слезы рукавом.

– Хорошо, мэм.

– Пони готовы, – объявил Арчи.

Навьюченные лошадки постукивали копытами по твердой как камень земле. Миртл надела пробковый шлем и опустила вуаль, Нерис крепче завязала ленты широкополой соломенной шляпы. Эван стоял в стороне. Теперь, когда наступил момент прощания, он не выглядел ни уверенным в себе, ни счастливым. Нерис подошла к нему и потянулась за поцелуем. Эван неловко прикоснулся сухими губами к ее губам, тут же отстранился и похлопал ее по плечу.

– Время быстро пролетит. Благослови тебя Господь.

Нерис пробормотала слова прощания. За ними внимательно наблюдали Дискит и орава настырных школьников. Только МакМинны тактично отошли в сторону и делали вид, что проверяют крепеж багажа. Самые отважные из детишек бросились к Нерис. Она наклонилась и поцеловала каждого. Арчи и Миртл оседлали пони и ждали Нерис. Один из носиль-

щиков помог ей усесться в мягкое седло, затем взял вожжи и направил пони к воротам миссии. Нерис обернулась и помахала всем на прощанье. Процессия двинулась вниз по переулку, их путь лежал мимо часовни, к дороге, ведущей на базар. На фоне белой каменной кладки четко выделялся одинокий силуэт Эвана.

День выдался ясным и солнечным. Первые мили путешественники ехали по открытой, залитой солнцем долине Инда. Нерис чувствовала, как лучи проникают сквозь плетение ее шляпы и жалят лицо. Ну почему она не додумалась надеть перчатки, чтобы защитить руки от палящего солнца? Через некоторое время на высоком отроге показались молитвенные флаги и медные шпили монастыря Спиток, которые выглядывали из-за внушительных стен. Спиток был первым храмом на их пути и самой дальней точкой, до которой Нерис отваживалась доезжать из Леха. Нетерпеливая Миртл уехала далеко вперед, но осадила пони, чтобы подождать Нерис. Арчи, ехавший в авангарде вьючных пони, остался далеко позади. Караван был окутан плотным облаком дорожной пыли.

– Поедем вместе? – Миртл сверкнула темными глазами. – Или оставить тебя в покое?

Нерис посмотрела на горные хребты. Удивительная сила, которую она ощущала в себе во время долгого перехода от Манали, похоже, вновь разливалась по ее венам.

– Только вместе, – улыbnулась она.

Миртл приподнялась в седле и погладила ее по коленке.

– Замечательно.

Они направили пони на запад.

Вскоре Нерис осознала, что путешествовать с МакМиннами намного интереснее, чем с Эваном. На ночь они останавливались в гостиницах или на постоялых дворах. Для них всегда находилась комната. Британского сагиба везде встречали с почестями и старались всем им услужить. Миртл и Нерис воспринимали такие привилегии как нечто само собой разумеющееся. Они не чувствовали угрызений совести, когда ради них из номеров выгоняли путешественников из Ладакха и Кашмира. Ни у одной из них не дрогнуло сердце, даже когда на улице оказался мусульманин с несколькими женщинами и дюжиной маленьких детей.

Эван и Нерис никогда не позволяли себе причинять беспокойство другим людям. Даже самое незначительное. Когда они приезжали в переполненную гостиницу, то ставили на обочине палатку и ночевали там. Как правило, местное жилище представляло собой лачугу из двух комнат, гостиной и грязной кухни, лишенной элементарных удобств, но сагиба МакМинна всегда приветствовали как дорогого гостя и всячески пытались угодить ему. Арчи имел хорошую привычку платить за все, чем они пользовались, но не разбрасывался деньгами и жестко пресекал любые попытки обмануть его. Но если все было в порядке, расставался с деньгами легко и быстро.

К гостинице первыми подъезжали слуги. Они распаковывали вещи, устраивали пони в стойлах и устанавливали раскладушки в комнатах. Господа вселялись в уже подготовленные апартаменты. Раскладушки устанавливали по просьбе Миртл. Она наотрез отказывалась спать на стационарных кроватях, которые, по ее словам, кишели насекомыми. Арчи всегда делал вид, что разделяет беспокойство жены, но в глубине его глаз плясала снисходительная улыбка.

Всем хватало теплых одеял и льняных простыней, которые распаковывались для ночлега и упаковывались утром. Слуги покупали еду у местных торговцев и постоянно пополняли продовольственные запасы, повар каждый день готовил вкусные обеды и ужины, подавал их на тарелках, которые тщательно мыл в растворе марганцовки. Иногда даже устраивали походную ванну – сворачивали холст и заполняли его водой. Нерис нежилась в теплой воде, поливая тело и волосы из эмалированного кувшина.

Каждый вечер, разбив свой маленький лагерь, они подолгу болтали и смеялись, сидя на походных стульях под балдахином из москитной сетки. Миртл сплетничала про знакомых, шутила и даже не стеснялась обсуждать привычки местных жителей.

– Как думаете, у них это происходит *по очереди*? – Вопрос касался щекотливой темы взаимоотношений мусульманина со своими женами.

– Нет. Думаю, мужчина отдает предпочтение самой красивой, – ответил Арчи. – Я поступал бы именно так.

– А как он определяет, которая из них красotka? – продолжала любопытствовать Миртл.

– Дорогая, они не ложатся в постель в парандже.

Миртл рассмеялась. Она курила тонкие черные сигареты. Роскошный золотой мундштук порхал в ее руках. Когда Миртл впервые закурила, Нерис удивленно и с укоризной посмотрела на нее. Миртл в ответ спокойно выдохнула облачко табачного дыма.

– Знаешь, в твоём доме я притворялась хорошей девочкой. Мы все-таки жили в миссии. Надеюсь, я настоящая не разочарую тебя.

– Думаю, нет, – улыбнулась Нерис.

Поздно вечером слуга принес им по кружке какао. Арчи плеснул немного бренди в свою кружку и кружку жены, вопросительно посмотрел на Нерис.

– Да, пожалуйста.

Эту их привычку она переняла с большим удовольствием. В гостиницах они заселялись в одну комнату, Нерис быстро привыкла делить кровать с Миртл и Арчи. Перед сном Миртл переодевалась в жемчужно-серую шелковую пижаму с французской этикеткой.

– Очень удобно в дороге. Здесь полно вшей, но они не могут прицепиться к шелку.

Она была права. Что такое нашествие вшей, Нерис испытала на себе во время похода в Лех. Они целыми колониями селились в швах фланелевой сорочки Нерис. Под ритмичный храп Арчи и размеренное дыхание Миртл она засыпала лучше, чем в миссии Леха.

С первыми лучами солнца слуга приносил им в постель по чашке чаю. Они выпивали его, и Арчи в халате выходил на крыльцо бриться, а женщины тем временем одевались. Потом они все вместе завтракали. Им подавали горячую овсянку, омлет и вкуснейший свежее испеченный хлеб. Целый день они двигались по узкой тропе, минуя крошечные селения и маленькие поля, золотившиеся готовой к жатве пшеницей, выходили на обочины ухаби-стых дорог. Перед их небольшой кавалькадой в разные стороны разбегались грязные куры, беспризорные овцы пристраивались к пони и семенили рядом. По обе стороны дороги то и дело попадались кусты шиповника.

Листва давно облетела, и на голых ветках, словно драгоценные камни без оправ, висели ярко-красные плоды. Когда поднялись выше в горы, деревень стало меньше. Почва под ногами была каменистой и бесплодной. Горы нависали над ними, в их тени все казалось серым и мрачным, на самых неприступных и высоких хребтах белели стены гомп. Перевал Фоту был самой высокой точкой на их маршруте. Они решили остановиться на ночлег у стен старинного монастыря Ламаюру, расположенного в нескольких милях от перевала. Среди серых гор и острых скал Ламаюру разлегся, как прекрасное животное. Массивные стены из белого камня, деревянные перекрытия, украшенные замысловатой росписью, узкие окна-бойницы и купола со спиралевидными рисунками. Черная и золотая краска блестели на солнце, как расплавленный сахар.

Пони старательно отмеряли шаги. Их пришлось сделать сотни две, прежде чем они достигли плато, на котором возвышалось главное здание монастыря. На фоне голубого неба танцевали молитвенные флаги. Глядя на них, Нерис вспомнила гомпу Спиток, через которую они с Эваном проходили по дороге в Лех. Вслед за этими воспоминаниями пришла мысль, от которой ей стало чуточку стыдно, – за все дни, что Нерис провела с Миртл и Арчи,

она ни разу не вспомнила об Эване. Теперь он казался ей мрачным, проблемным человеком, одним из тех, кто норовит застить солнце в погожий денек. В Ламаюру они также остановились в гостевом доме. По сравнению с придорожными, монастырский казался огромным. Но и людей здесь останавливалось гораздо больше. Нерис показали ее комнату. Узкая каменная келья с кроватью и окошком. За окном – глубокое ущелье. В пустоте между небом и землей летали альпийские галки.

В тот вечер за ужином никто не шутил и не смеялся. Даже на неугомонную Миртл благотворно действовали величественные стены монастыря и шепот молящихся монахов в красных одеждах. Посте трапезы Нерис решила сразу не возвращаться в неудобную келью, а немного побродить по двору Ламаюру. Она вышла на воздух, заметила ступени, ведущие на крепостную стену, и поднялась по ним. Она обернулась и, запрокинув голову, посмотрела на величественный храм, чернеющий на фоне занавеса из звезд. Окна горели неярким желтым светом.

Нерис стала дрожать на пронизывающем ветру. Ей казалось, что она слышит голоса молящихся монахов. За ужином Арчи недовольно пробормотал, что Ламаюру – плохое место, здесь забирают у населения почти все, чтобы прокормить прорву священнослужителей. «Может, он и прав. Место действительно пустынное», – размышляла Нерис, прячась от ветра в укромном уголке между крепостной стеной и монастырской постройкой. Откуда-то из глубины двора донесся лай собак. Интересно, смог бы Эван проповедовать христианство среди людей, которые отдают монахам последнюю горсть риса? Какие угрозы, какие посулы он приготовил бы для них? Сейчас она не любила мужа. Думая о нем, чувствовала только легкую грусть. Ушла любовь и ушла вера. Нерис очень переживала, сможет ли она долгие годы имитировать симпатию к мужу и религиозное рвение. Наверное, сможет. Ведь муж больше ничего и не ждет от нее. Разве что ребенка.

Нерис окончательно замерзла. Монастырь черной громадиной нависал над ней. Она смотрела на него, и ей показалось, что сейчас он рухнет и раздавит ее. Нерис зябко закуталась в пальто и начала спускаться по лестнице. Слуга Арчи стоял в темном дверном проеме и вопросительно смотрел на нее.

– Пойдемте, мэм, – сказал он.

Нерис улыбнулась в ответ. Ей было неловко перед мужчиной, который столько времени прождал ее на ветру, хотя вполне мог сидеть, укутавшись теплым одеялом, и курить трубку.

– Простите, Гари.

Он поднял лампу выше, освещая крутые деревянные ступени. Они шли мимо занавешенных дверных проемов к ее комнате. Он зажег свечу, оставленную для нее на полке, и сделал шаг назад.

– Мэм, я принесу какао. Одну секунду.

– Спасибо Гари, но сегодня я не буду какао. Я сразу лягу спать.

Она хотела поскорее уснуть, чтобы поскорее увидеть свет нового дня. Ламаюру действительно был неприятным местом. Она задула свечу и стала вслушиваться в тишину. Но тишины не было. Кто-то шуршал и скребся в углу. Наверное, крысы. Ветер завывал в щелях между стеной и оконной рамой. А потом она услышала другой звук. Низкий женский стон, почти переходящий в крик и обрывающийся на самой высокой ноте. Женщина за стенкой всхлипывала, кричала, задыхалась. И в конце, как постскрипtum, – долгий вздох блаженства. Нерис выхватила из-под головы подушку, скрутила ее и попыталась заткнуть уши. Она не хотела слышать, как Миртл и Арчи занимаются любовью. Не хотела слышать, видеть, даже думать об этом. Ее собственная жизнь казалась ей ничтожной, жалкой, лишенной смысла.

С рассветом они двинулись в путь. Им предстояло преодолеть высокий горный перевал, за которым лежал город Карджил. Путешественники пребывали в хорошем настроении.

Они упорно шли вперед, позади осталось много тяжелых, но приносящих радость дней. И вот наконец между ними и Кашмирской долиной стояла только стена Великих Гималаев. Издалека горы казались неприступным монолитом. Неосуществимым и самоубийственным представлялся план подняться на перевал. Но чем ближе к крутому склону подъезжали путники, тем отчетливее проступала довольно широкая тропа, уходившая зигзагами вверх. В некоторых местах эта тропа блестела, как отполированный металл. Лучи восходящего солнца отражались от черной гранитной поверхности. Нерис остановилась и встревоженно посмотрела вперед, но Миртл успокоила подругу:

– Выглядит сложнее, чем есть на самом деле. Помнишь, ты уже поднималась выше одиннадцати тысяч, на Фоту Ла в прошлом году.

– Я не переживаю. Я справлюсь. Мне очень интересно, какой вид открывается с вершины.

Глаза Миртл сияли.

– Там невероятно красиво. Словно для тебя приоткрывают райские врата.

Эта мысль поддерживала Нерис во время долгого подъема. Пыль забивала глаза и нос, флаги с водой быстро опустели. Солнце поднималось все выше, его беспощадные лучи опалили шею и плечи. Нерис чувствовала, как замедляется шаг пони, на котором она ехала, как он дрожит, как ходят его бока под хлыстом погонщика. Потом пришлось спешиться. Сотни острых камней впивались в подошвы сапог. Дышать было нечем. Вокруг стояла неестественная тишина. Единственными звуками было монотонное позвякивание упряжи и тревожный писк сурков, стороживших свои норы среди камней. Высоко в небе парили бородачи, лениво взмахивая огромными крыльями. Тропа петляла между глыбами обвалившейся породы. Чем выше они взбирались, тем длиннее казался оставшийся путь. Нерис подумала, что подниматься они будут целую вечность.

Арчи ушел далеко вперед, но Миртл сбавила темп, чтобы поддержать подругу. Они обменялись парой ободряющих слов, на большее их не хватило – все силы уходили на то, чтобы просто переставлять ноги, идти вперед.

Вскоре Нерис начала считать повороты тропы-серпантина, которые им еще предстояло преодолеть. Вначале их было семь, потом пять и наконец остался один.

– Все? Пришли? – задыхаясь, спросила Миртл.

Она опасалась, что это очередная ложная вершина и впереди еще один сложный подъем. Всякий раз, когда Нерис оглядывалась, коричневая, пыльная пустыня Ладакха отступала дальше. Она поняла, что они пересекли границу с другой страной.

– Еще немного, – пыхла Миртл. – Почему Арчи всегда идет впереди?

Они вышли на широкий участок тропы. Обочину украшали белоснежные чортены²¹, которые ярко выделялись на фоне голубого неба. Арчи и авангард уже ждали их на вершине. Ниже на склоне Нерис увидела кости и кожу пони, который, наверное, упал с высокого обрыва. Солнце стояло высоко, но Нерис развязала ленты шляпы. Их караван пересек седловину перевала. К счастью, дорога была почти ровной и до самых чортонов не имела крутых поворотов. Каменные колонны были украшены сотнями флагов. Некоторые уже выцвели, другие все еще радовали глаз яркими красками. Миртл и Арчи, взявшись за руки, молча стояли на вершине и смотрели на запад. Нерис подошла к ним и замерла, не в силах двинуться с места. У нее под ногами, будто волшебный ковер, развернулась Кашмирская долина. Она увидела вместо серых скал невысокие холмы, поросшие темно-зелеными елями и серебристыми березами. В темных оврагах залегли белые нити снега, водопады срывались вниз, на каменное ложе.

²¹ Чортен – в тибетском буддизме ступа, святыня в виде купола, насыпи или часовенки со шпилем, символизирующая буддистское учение о мироустройстве. В ступах замуровывают реликвии или останки святых.

Ветер разгонял курчавые облачка, над долиной дрожало марево теплого воздуха, но даже сквозь эту вуаль Нерис смогла рассмотреть пастбища, поля и изогнутые русла рек. После горного ландшафта, в котором преобладали коричневые и серые тона, пейзаж из тысячи оттенков зеленого, голубого, серебряного, лавандового показался ей чересчур роскошным, просто неправдоподобным. Воздух постепенно наполнялся сладкими ароматами живой, богатой и щедрой земли.

Миртл не обманула. Это был рай.

Глава 5

Из Леха в Шринагар можно было добраться тремя способами. Меир могла пересечь горы на общественном транспорте, найти туристов, которым был бы нужен еще один пассажир на свободное место в их автомобиле, или самостоятельно нанять машину с водителем для двухдневной поездки. Автобусы ходили каждый день, но они останавливались на ночь в Каргиле и выезжали оттуда только утром. Чтобы обеспечить беспрепятственное продвижение военных колонн, солдаты на армейских постах по обе стороны Зоджи-Ла²² перекрывали дорогу в пять утра. Таким образом, весь гражданский транспорт должен был преодолеть перевал до этого времени. В интернет-кафе Меир увидела объявление, прикрепленное к доске. Кто-то искал попутчика, готового разделить стоимость аренды грузовика или легкового автомобиля. Когда она позвонила по одному из указанных в объявлении номеров, тут же выяснилось, что путешествовать с ней будут дети из Израиля. Почти наверняка речь шла о мальчиках, которые были на экскурсии в Чангтанге. Меир извинилась и быстро повесила трубку. Вариант своего водителя с машиной казался ей наиболее приемлемым, пока она не заглянула в последнее работающее агентство и не поинтересовалась ценами. Что ж, значит, придется грудью встретить легендарные неудобства и испытать адреналиновый шок от автобусной поездки по Индии. Меир собрала вещи с твердым намерением утром покинуть Лех и вышла из отеля, чтобы поужинать в лучшем, по мнению журнала «Гид одинокой планеты», ресторане Леха.

– Привет! – раздался звонкий голос, когда Меир свернула на улицу, которая вела к опустевшему базару. На улице было холодно и темно. – Мы надеялись застать тебя в городе.

Это была Карен Беккер. В пуховике и теплой шапке с наушниками она была похожа на симпатичного снеговика.

– Как поход? – спросила Меир, когда они поравнялись.

Карен раздраженно хмыкнула.

– Уныло, как всегда. Мы поднялись достаточно высоко, там снегу было мне по пояс. За ночь в палатке все покрывалось льдом. Естественно, Бруно наслаждался каждой секундой этого кошмара.

– А как Лотос?

– Ей понравилось. Но Ло вообще все нравится, к тому же она обожает снег. Послушай, может, мы встретимся завтра? Я бы пригласила тебя к нам сейчас, но Бруно должен уладить кое-какие дела. Меня убивают эти бесконечные телефонные разговоры. А еще все эти сложности со связью, ну, ты понимаешь, о чем я.

Меир понимала. Все иностранные мобильные телефоны автоматически блокировались. Позвонить можно было либо из отделения связи, либо купив телефон местной компании, обслуживающей территорию Дхамму и Кашмира. Меир не купила такой телефон, и теперь ей очень не хватало общения с родными. Здесь часто отключали электричество, поэтому компьютер был не очень надежным средством связи.

– Утром я на автобусе еду в Шринагар.

– Нет! – вскричала Карен. – Не делай этого! Ни в коем случае! Индийские автобусы – это мрак и ужас.

– Я воспринимаю это как приключение.

Карен взяла Меир за руку.

²² Зоджи-Ла – высокий перевал, расположен на шоссе между Шринагаром в Индии и Лехом в Западных Гималаях.

– У меня есть замечательная идея. Мы тоже едем в Кашмир, только послезавтра. Подожди денек – и поедешь с нами. Мы арендовали машину. Место есть, если ты, конечно, не против сидеть на заднем сиденье вместе со мной и Лотос.

Меир засомневалась.

– А как на эту затею посмотрит Бруно?

Карен беззаботно махнула рукой.

– Он не будет против. Бруно любит заводить новые знакомства.

Первое впечатление, которое сложилось у Меир о Бруно Беккере, говорило скорее об обратном, но она не стала возражать.

– Знаешь, очень заманчиво. Честно говоря, мне самой не нравится идея ехать на автобусе.

– Значит, договорились. Послезавтра заедем за тобой в гостиницу. Предупреждаю сразу: встать придется ни свет ни заря. Бруно – жаворонок-фанатик.

Похоже, все устроилось. Они дошли до грунтовой дороги. Карен попросила подождать с ней какой-нибудь транспорт. Несколько минут они высматривали такси, пританцовывая на холоде.

– Кстати, как у тебя прошла неделя? – поинтересовалась Карен.

– Замечательно. Мне удалось кое-что разузнать... – начала Меир, но Карен уже скрылась за облаком пара, вырывавшегося из выхлопной трубы моторикши.

Она помахала рукой:

– Здорово. Увидимся завтра!

Наверное, водитель заметил женщин на остановке и специально свернул к ним. Карен запрыгнула в такси, даже не удосужившись договориться о цене. Меир продолжила свой путь к мерцающим вдали огням базара.

Итак, у Меир появился еще один свободный день. Она решила не тратить время зря и поискать информацию в Интернете. Но прежде она отправила письмо Хетти, где в нескольких фразах описала, как ей удалось найти часовню и разрушенную миссию. Меир писала сдержанно, даже, пожалуй, сухо. Хетти не должен был догадаться о том, насколько она увлечена загадочной историей шали. На кнопку «отправить» удалось нажать до того, как в очередной раз вырубили свет. Затем она проверила «входящие». Страничка грузилась очень медленно. Наконец она увидела, что пришло письмо от Дилана. Брат писал редко, но каждому его письму Меир радовалась, как дети радуются рождественскому подарку. На этот раз ее ждало совсем короткое послание и несколько фотографий, которые, по словам брата, будут ей очень интересны. Дилан разобрал небольшой фотоархив отца, который годами хранился в старой обувной коробке. Папа даже не пытался навести в нем порядок.

Дилан пообещал сестрам, что, как только выпадет свободная минутка, разберет фотографии, отсканирует самые удачные и сделает для сестер копии. Он пытался показать, что это очень трудная работа, но на самом деле только набивал себе цену. И Эйрлис сказала, что будет ему премного благодарна, поскольку у нее самой вряд ли найдется на это время. Дилан заговорщически подмигнул Меир. В тот миг брат был удивительно похож на их папу. Она подумала, что все с возрастом, хотя бы они того или нет, залезают в кожу своих родителей. Наверное, сейчас она выглядит как копия своей матери. Улыбаясь этим мыслям, Меир попробовала открыть прикрепленный jpeg-файл. Вначале компьютер отказывался выполнять ее команды, но Меир была настойчива, и он сдался.

На экране появился старый черно-белый снимок. Три женщины стояли на фоне озера, покрытого листьями кувшинок и их цветками. В верхнем левом углу часть фона закрывала резная деревянная балка. Наверное, фотографировали на веранде, обращенной к озеру. Женщина посередине смотрела прямо в объектив камеры. Подбородок вздернут, глаза светятся неподдельным весельем. У нее большой рот, полные губы. На фотографии они черные –

очевидно, покрашены темно-красной помадой. Темные выющиеся волосы сколоты по бокам. Под стать яркой внешности экстравагантный пиджак с широкими лацканами. На глубокий вырез декольте падает густая тень. Девушка слева выглядит моложе и женственнее. Стоит вполоборота, что-то говорит подругам. У нее добрые глаза, светлые выющиеся волосы и тонкая шея.

Третья женщина радостно смеется, голова немного откинута назад. Она выглядит настолько живой, счастливой и молодой, что Меир только через несколько секунд поняла, что смотрит на фотографию бабушки. Глядя на эти абсолютно счастливые лица, Меир подумала, что мог такого сказать дедушка Эван, чтобы его жена буквально светилась восторгом. А может, фотографию делал не Эван Уоткинс, а кто-то другой? И что это за место? Озеро? Какой-нибудь пруд? Но это точно был не Лех. И тут Меир вспомнила, что в Шринагаре есть озера. Она еще раз перечитала письмо. Дилан писал: «Эту фотографию вложили в дедушкин индийский альбом. Остальные очень скучные. Какие-то люди стоят на ступеньках часовни. Все мрачно и торжественно. Эта фотография сильно выбивается из общей массы, я сразу обратил на нее внимание. Как думаешь, кто эти женщины рядом с бабушкой?»

Чем дольше Меир смотрела на фотографию, тем более загадочной она ей представлялась. Три молодые женщины. Три близкие подруги. Эмоциональные и открытые. Беззаботно смеются. Их лица сияют, в них столько молодости и энергии! Невозможно было поверить в то, что снимок сделан семьдесят лет назад. Меир очень захотелось больше узнать о бабушкиных подругах. Мысль о том, что снимок сделан в Шринагаре, подогрела интерес к этому городу. Теперь она знала, что обязательно поедет туда.

Китаянка, владелица интернет-кафе, недовольно хмыкнула. Над каждым компьютером висела ламинированная табличка, запрещающая скачивать и загружать данные. Меир показала на фотографию на экране и на допотопный принтер, стоящий на скамейке возле двери, жестами попросила распечатать файл. Вначале у китаянки ничего не получалось, но все проблемы решились, стоило только Меир достать кошелек. После непродолжительного нажимания кнопок, проверки кабеля и невнятного бормотания фотография наконец оказалась на лотке принтера. Распечатка получилась темнее и меньше, чем оригинал, пропала аура счастья, исходившая от фотографии, – но в целом получилось неплохо.

В отеле Меир положила фотографию в конверт, в котором она хранила прядь темно-каштановых волос.

На следующее утро, ровно в шесть тридцать, Беккеры и водитель полноприводной белой «тойоты» ждали Меир перед отелем. Карен помахала ей рукой с заднего сиденья.

– Ничего не забыла? – спросила она. – Это будет замечательная поездка.

Лотос вертелась в детском кресле. Водитель, сверкнув золотыми зубами, приветливо улыбнулся Меир. Бруно Беккер сидел на переднем пассажирском сиденье, но, как только Меир появилась в дверях отеля, он вышел помочь ей с вещами. Приветствуя ее, он улыбался и уже не казался таким отстраненным и суровым.

– Я очень вам признательна, – проронила Меир.

– Рад, что присоединились к нам. Это все вещи? – спросил он, указывая на портплед.

Меир кивнула. Все ее сокровища – шаль, прядь волос и фотография – были надежно спрятаны в рюкзаке, с которым она не расставалась ни на минуту.

– Путешествуете налегке. Карен следовало бы поучиться у вас. – Он положил компактный портплед в багажник, до отказа забитый вещами.

– Эй, это вещи Лотос! – возмутилась Карен. – Давай, забирайся быстрее.

Меир села рядом с Лотос. Волосы девочки – масса светло-золотистых спиралек – блестяли в лучах восходящего солнца.

– Поехали, – сказал водитель.

Машина ехала по главной улице, вдоль молитвенных барабанов и длинной стены-мани. Меир обернулась, чтобы бросить последний взгляд на город. Низкие, плотные облака маскировали кольцо гор вокруг города, деревья казались черными каракулями на фоне коричневых скал. Из-за холода на улицах почти не было людей.

Карен положила подбородок на спинку переднего сиденья.

– Они беспокоятся из-за погоды, – пояснила она.

– Обещают снег, – бросил Бруно, не поворачивая к ним головы. – Нам надо спешить.

Меир откинулась на спинку сиденья. Машина неслась по ровному участку вдоль берега Инда. Карен непрерывно болтала, Меир подавала Лотос игрушки и книги из объемной сумки с детскими вещами.

По дороге в обоих направлениях двигались тяжелые внедорожники и армейские грузовики. Постепенно дорога начала идти вверх. Они проехали мимо придорожного лагеря рабочих, которые обслуживали горный участок дороги. Женщины, как и мужчины, переносили за спиной тяжелые камни и заделывали выбоины на шоссе.

– Какая трудная судьба! Смотри, у той женщины на спине ребенок, – вздохнула Карен.

Еще двое малышей сидели на камне и смотрели на проезжающие машины. Атмосферу уныния и печали усилил начавшийся дождь. Крупные капли барабанили по лобовому стеклу. Водитель включил дворники. Машина то и дело проваливалась в ямы. Вскоре они подъехали к полицейскому посту. Водитель передал паспорта своих пассажиров для контроля. Возле небольшой хижины, где размещался контрольно-пропускной пункт, собрались солдаты в камуфляжной форме и с оружием. Они ждали транспорта из мобилизационного центра. Рядом с хижинкой был установлен деревянный щит с надписью: «Пограничные дороги. Враг следит за тобой». Шоссе шло вдоль границы между Индией и Пакистаном, и присутствие индийской армии сразу же бросалось в глаза.

Через несколько минут они продолжили свой путь. Чем дальше на запад они продвигались, тем круче становилась дорога. Им приходилось ехать по краю глубокой пропасти, а на очень крутых поворотах колеса «тойоты» почти повисали в воздухе. Меир старалась не смотреть на то, как тяжелые капли дождя падают вниз с головокружительной высоты, и только один раз охнула, когда из-за поворота прямо на них выскочил грузовик. Водитель даже глазом не моргнул, когда их машина проехала в дюйме от грохочущего борта грузовика. Дорога стала настолько ухабистой, что пассажирам пришлось держаться за ремни безопасности, чтобы не биться головой о крышу машины. Посреди всего этого кошмара, убаюканная адской тряской, Лотос заснула.

– Интересно, они знают, что такое асфальт? – простонала Карен.

Бруно повернулся к ним.

– Он не продержался бы здесь больше шести недель. Спрессованная смесь камней и песка – единственное, что может выдержать эту погоду и грузовики. Поддерживать дорогу даже в таком состоянии большой труд. – Это была самая длинная фраза, которую он произнес с тех пор, как они выехали из Леха.

– Ага. Ой! – Их снова подбросило в креслах.

Камни разлетались из-под колес и исчезали в мрачной бездне. Далеко внизу Меир увидела оловянную ленту реки. Она поблагодарила Господа, что сейчас не сидит в переполненном автобусе с утомленным водителем за рулем.

– Дорогу между Лехом и Шринагаром открыли для автомобильного транспорта только в шестидесятых, – сказал Бруно, – до этого была неширокая тропа, и ездить можно было только на пони.

– Сколько времени это занимало?

– Между городами двести пятьдесят миль. За неделю можно было добраться.

Помолчав, Меир добавила:

– В восемнадцатом веке невозможно было проехать даже на лошади. Все грузы доставляли пешие носильщики. Они проходили весь путь от Тибета до Кашмира. В основном доставляли шерсть для изготовления пашмины.

Бруно обернулся и посмотрел на нее. Впервые их взгляды встретились.

– Вы интересовались историей старых торговых путей?

– Да.

– Я тоже интересовалась, – вставила Карен.

Бруно улыбнулся жене. Меир подумала, что он очень привлекательный мужчина. Чувство неловкости, которое она испытывала в присутствии четы Беккеров, внезапно усилилось. При первой встрече она позавидовала их близости, потом подозревала, что объединяет их, с одной стороны, диаметрально противоположность характеров, а с другой – безграничная любовь к дочери. Но теперь она подумала, что, наверное, ошибалась. Бруно смотрел на жену с обожанием.

– Знаю, что ты интересовалась, – тепло сказал он ей.

После очередного поворота Меир в прорехе серых облаков увидела в отдалении белую стену снега. Через час проснулась Лотос и начала капризничать. Она вертелась в кресле и отворачивалась от напитка, который ей предложила Карен.

– Нам нужно остановиться минут на десять, – сказала она водителю. – Далеко до Ламаюру?

Мужчины покачали головами.

– Еще далеко, – ответил водитель.

Они остановились на обочине, чтобы попить чаю. Дождь превратил дорогу в скользкую петляющую ленту грязи, проезжающий транспорт поднимал тучи грязных брызг. Поток машин на запад был постоянным и плотным. Меир догадалась, что водители торопятся добраться в Зоджи-Ла до темноты и снежной бури. За последние несколько минут дождь превратился в мокрый снег и бесформенными кляксами падал на лобовое стекло. Их маленькая группа приютилась под брезентовым навесом торговца. Увидев людей, Лотос повеселела. Бруно поставил ее на ножки и отпустил погулять, завести новых друзей. Карен исследовала кастрюльки торговца. Она купила мясное рагу и миску риса и почти все скормила Лотос. Осторожная Меир перекусила шоколадным батончиком и горстью орехов. Водитель отошел к группе мужчин, чтобы переброситься с ними парой фраз. В основном речь шла о погоде. Они быстро обсудили главные новости, и Бруно заторопил всех садиться в машину. Карен вздохнула:

– Неужели мы не посмотрим Ламаюру? На фотографиях он выглядит как сказочный замок, с башенками и шпилями.

– Карен, мы не сможем остановиться в монастыре, – сказал Бруно.

– Что?

– Мы должны преодолеть перевал как можно быстрее.

– Да ладно! Часик погоды не сделает.

Водитель уже занял свое место. Машины,двигающиеся по встречной полосе, включили фары. Желтые конусы света еле пробивались сквозь пелену снега.

– Сделает, дорогая, еще как сделает!

Карен была в ярости.

– Слушай, в чем дело? Я понимаю, что тебе неинтересно, но это старейшая гомпа в Ладакхе! Датируется десятым веком. Там есть такие фрески и танка, которых нет больше нигде в мире. Мы должны это увидеть!

– Не в этот раз.

Наступила тишина. Меир кожей чувствовала, как воздух вокруг парочки словно электризуется. Дворники соскабливали со стекла комки мокрого снега, но тут же налипали новые. Лотос молча прижимала к себе куклу.

– Бруно, это всего лишь небольшой снежок. Не вижу повода для паники.

– Мы едем прямо в Фоту-Ла. Там спустимся в Каргил, – вмешался водитель.

Похоже, буря миновала. Карен стиснула челюсти, но больше ничего не сказала. Ехать становилось все труднее и труднее. Снегопад усилился, вдоль дороги уже появились небольшие сугробы. Поток машин значительно уменьшился. Меир сосредоточила все внимание на Лотос и старалась игнорировать пропасть, которая зияла в футах от колес машины. Она пришла к выводу, что, если не смотреть туда, ехать не так страшно.

Меир заметила еще один неожиданный знак пограничных дорог: «Женаты? Сбросьте скорость». Они забрались уже очень высоко. Машина начала буксовать, водитель поддал газу, колеса еще раз провернулись на месте. Карен больше не сердилась из-за монастыря. Бруно и водитель тихо переговаривались. Машина ехала очень медленно на самой низкой передаче, водитель старался попадать в колеи, оставленные впереди идущей машиной, которые быстро забивались серым месивом из снега и грязи.

– Снег. Очень плохо, – резко выдохнул водитель.

В следующее мгновение на крутом подъеме «тойота» начала скользить назад. Карен и Меир запаниковали, они обе вцепились в кресло Лотос. Меир, потеряв ориентацию, пыталась определить, в какой стороне находится пропасть. Бруно выскочил из машины. Ударом ноги он отправил камень под заднее колесо машины. Водитель бросился ему на помощь. Карен и Меир остались в машине.

– Выходим! Выходим! – щебетала Лотос.

– Нет, милая. Посмотри, какой снег идет.

Мужчины, напрягая все силы, заталкивали под колеса «тойоты» камни вместе с грязью, и машина наконец остановилась, но буквально через минуту снова стала скользить вниз.

– Плохо дело! – крикнул Бруно.

– Да, очень плохо, – согласился водитель.

Мужчины вернулись в машину.

– Мы не проедем. Нужно возвращаться.

– Возвращаться? – вскричала Карен. – После всего этого?

– До Ламаюру пять миль. Мы переночуем там.

– Правда?

– Да. В противном случае придется ночевать здесь, в машине. Заодно посмотришь на свои фрески.

Карен заправила за уши огненно-рыжие пряди, смущенно улыбнулась Меир. Возможно, ей было немного стыдно за свое недавнее поведение.

– Мне жаль, что так вышло. Но это дорога, верно?

– Да, верно, – согласилась Меир.

Водитель изловчился и развернул машину на скользком пяточке между отвесной стеной и пропастью. Они начали медленно и осторожно спускаться с холма. Кроме падающего снега Меир ничего не могла рассмотреть за окном. К горлу подступил удушающий комок тошноты.

Темнота казалась непроницаемой. Меир цеплялась за шершавую стену и вспоминала, откуда она пришла, жалея, что оставила фонарик в машине. Она дошла до угла и, споткнувшись о невысокий порожек, чуть не упала. Воздух здесь был просто ледяным. Путь во внутренний двор преграждала запертая на щеколду дверь. Замерзшими пальцами она наконец нащупала металлическое кольцо и потянула за него. Дверь резко открылась, внутрь ворвался

холодный ветер и снег. Меир вышла во двор. Женщина, помогавшая разместиться в комнате, показала Меир, где находится кухня, но сейчас внутренний двор был завален снегом, и Меир отчаялась отыскать в белом хаосе низкую дверь. Вверх Меир тоже старалась не смотреть. Древние монастырские стены грозно нависали над зданиями, казалось, еще немного – и они всей своей мощью обрушатся на несчастных людишек. В снежной пелене стены были едва различимы, но их гнетущее присутствие буквально ощущалось кожей. Порыв ветра бросил ей в лицо колкое облако снега. Меир пробиралась через сугробы. Наконец она нырнула под навес, который прикрывал небольшое деревянное крыльцо, и увидела свет. Дверь распахнулась, и она ввалилась внутрь, отряхиваясь от снега, как собака отряхивается от воды. Она надавила плечом на дверь и с трудом закрыла ее.

– Привет, Май! – крикнула Лотос.

Помещение было слабо освещено одной керосиновой лампой. На полу лежало три матраса, а в центре была маленькая печь с дымоходом, из которого в холодный воздух комнаты тонкой струйкой просачивался дым. Женщина, которую Меир видела раньше, стояла перед печью и бросала в топку блины высушенного навоза. Несколько мужчин, вероятно водители грузовиков, попавшие в ловушку снежной бури, сгорбившись, сидели на двух матрасах. Они курили и тихо переговаривались, но когда появилась Меир, замолчали и уставились на нее. Третий матрас был занят Бруно и Лотос. Девочка сидела в спальнике и была еще укутана одеялом так, что виднелось только розовое личико. Весь этот кокон был упрятан в отцовское пальто. Меир почувствовала легкий укол зависти. «В этих обстоятельствах нужно любым способом хранить тепло», – немедленно одернула она себя.

– Попрыгай, – попросила Лотос. – *S'il vous plaît!*²³

– Лотос, в комнате нельзя. Нужно выйти на улицу.

– Выходи, – сказала девочка и показала пальчиком на дверь, словно это было чем-то само собой разумеющимся.

– Завтра, – пообещала Меир.

– Там снег идет, Ло, ты не забыла? – напомнил ей Бруно. – Мы все останемся здесь, пока не потеплеет.

Бруно подвинулся и указал на место рядом с собой. Меир аккуратно протиснулась между почерневшими кастрюлями и башней из плетеных клеток с заточенными в них курами и села рядом с ним. Мужчины продолжили разговор. Женщина закрыла дверцу печи.

– У Карен мигрень. Она сходила в ванную и сейчас спит, – сказал Бруно.

Ванная комната находилась в нескольких ярдах от кухни. Там был медный бак с крапом, сливное отверстие находилось в полу, в пластиковой мыльнице лежал кусок серого мыла. Туалет, который Меир нашла первым делом, был обустроен под навесом в дальнем углу двора. Это был так называемый ямный туалет, только вместо ямы между подставками для ног зияла пропасть глубиной в несколько сот футов. Через дыру, заменявшую унитаз, с воем и свистом врвались холодный ветер и снег.

Гостиница была переполнена. Там расположилась большая группа немецких туристов, автобус которых не смог преодолеть перевал. В деревне, расположенной под стенами Ламаяру, также негде было устроиться. Водитель Беккеров приложил немало усилий, чтобы найти место для ночлега. Первое впечатление было просто ужасным: проваливаясь по щиколотку в подмерзшую грязь и спотыкаясь, они подошли к груде камней и досок, которая меньше всего напоминала человеческое жилище. Внутренний двор защищала от ветра массивная стена из необработанного камня. Комнаты для гостей и служебные помещения были вырублены в скале и напоминали кельи отшельников.

²³ *S'il vous plaît* (фр.) – пожалуйста.

Водитель устроил их в гостевом доме, а сам отправился к своему кузену, который жил неподалеку. Европейцы заняли последние свободные комнаты. Новым беглецам от непогоды придется довольствоваться матрасами, которые разложили на полу в кухне.

– Я могу чем-то помочь? – спросила Меир.

– Нет, – покачал головой Бруно, – но спасибо, что спросила.

– Здесь не очень уютно, зато тепло. Все лучше, чем провести ночь в машине.

Бруно крепче обнял дочь.

– Да, оставаться на дороге было небезопасно.

Меир прекрасно понимала, что штурмовать горные дороги во время снегопада – это глупость, граничащая с самоубийством. Они застряли бы в снегу и, возможно, попытались бы спастись пешком. А поход по пустынной дороге во время снежной бури мог закончиться трагически.

Меир поехала. Несмотря ни на что, ей не нравилось это место. И не потому, что ему не хватало домашнего уюта. Дело было в другом. Из всех углов на нее наступала темнота, а воздух пропитался отчаянием и враждебностью. Но на сегодня мрачная каменная келья стала для нее самым безопасным местом. Меир посмотрела на розовые щечки Лотос. Девочка сосала большой палец.

– Мы будем сидеть тихо, как мышки, правда, Ло? – улыбнулась она ребенку.

В комнату вошла еще одна женщина. В руках она держала небольшую кастрюлю, над которой поднимался легкий пар. Бруно взял кастрюлю и поблагодарил женщину. Он сел и ласково спросил у дочери:

– Лотос, будешь ужинать?

Бруно начал кормить ее с ложки разогретыми бобами в соусе и кусочками лепешки. Лотос наполовину выбралась из своего кокона и ела с аппетитом, размазывая соус по щекам и подбородку.

– Мы всегда прихватываем с собой пару банок. Лотос ест это с большим удовольствием. – Бруно понизил голос и добавил: – Боюсь, в скором времени мы все можем перейти на такую диету.

Тем временем женщины поставили на огонь почерневший от сажи котел, затем сели прямо на земляной пол и начали чистить и нарезать лук. Овощи полетели в котел. Мужчины одобрительно загудели и, видимо, принялись поторапливать хозяек.

– Мы здесь всего на одну ночь, – весело возразила Меир.

Но Бруно не разделял ее оптимизма.

– Надеюсь, так и будет, – мрачно отозвался он.

Бруно был опасным и привлекательным одновременно. Черные брови сошлись на переносице, взгляд твердый и открытый. Карен была полной противоположностью мужа, их союз как раз подтверждал правило «противоположности притягиваются».

Лотос доела свои бобы и потянулась к кастрюле, чтобы проверить, не осталось ли еще немного на дне. Разумеется, она вымазала маленькие ручки в саже. Бруно достал носовой платок и тщательно вытер ладони Лотос.

– С грязными руками не пускают в кровать, – терпеливо объяснял он. – Ты же не хочешь все перепачкать, правда?

Затем Бруно достал из кармана яблоко, очистил его и разрезал на четыре части. Лотос с удовольствием захрустела четвертинкой. Последний кусочек она дожевывала медленно, глазки у нее слипались.

– Пора спать, – прошептал Бруно. Он укутал ребенка в одеяло, крепче прижал к себе. Затем бросил взгляд в сторону кипящего казана и женщин, готовящих еду. – Может, поужинаем вместе? – предложил он Меир.

Приглашение прозвучало довольно холодно и по-деловому, но в уголках его губ приоткрылась улыбка.

– Конечно. С удовольствием, – ответила Меир.

Бруно вышел. Меир прислонилась к стене и стала наблюдать за работой поваров. Печь гудела, кухню заполнил запах варящихся овощей. Узкое окно покрывал конденсат, крупные капли скатывались на подоконник, но в кухне теплее не становилось. Меир подумала, что вполне могла оказаться где-то в снежном плену в компании израильских мальчиков, но, к счастью, она была с Беккерами и поблагодарила всех богов за то, что они нашли пристанище в Ламаюру.

Минут через пятнадцать вернулся Бруно. Отряхнув с себя снег, он присел на матрас рядом с Меир. Водители внимательно смотрели на них, но через некоторое время потеряли к ним интерес. Как только это произошло, Бруно достал из вместительного кармана флягу, затем – пару металлических стаканчиков. Один протянул Меир.

– Это коньяк, – пробормотал он и налил понемногу в стаканчики.

Они отсалютовали друг другу. Бруно сделал большой глоток. Меир последовала его примеру. Алкоголь быстро согрел ее промерзшие косточки.

– Как дела у Карен?

– Лежит на кровати. Читает какие-то свои буддистские тексты. Я положил Лотос рядом с ней, и она тут же заснула. – Бруно помолчал. – Моя жена, она очень любит командовать, любит, чтобы все было, как она задумала, поэтому неожиданные ситуации, когда она не может ничего изменить, выводят ее из себя. Думаю, буддистское мировоззрение не подходит людям с таким характером. Кажется, буддисты призывают укрощать свои желания. Честно говоря, не знаю, как она справляется с этим и продолжает обучение.

Их взгляды встретились. Бруно в общении был весьма сдержан, даже суховат, но в целом производил впечатление умного и веселого человека. В чем-то он вел себя как типичный швейцарец, но в чем-то отходил от стереотипов. Это делало его привлекательным и интересным.

– Ты исповедуешь какую-нибудь религию? – спросила Меир.

Бруно отрицательно покачал головой.

– Нет, а ты?

– И я нет. Но мой дедушка был миссионером. Он и моя бабушка работали в Уэльской пресвитерианской миссии в Лехе.

– Поэтому ты решила приехать сюда?

– Недавно умер мой отец. Его родители были частью нашей жизни, потому что жили рядом, но мы почти ничего не знали про бабушку и дедушку по материнской линии. Мама умерла, когда мне было пятнадцать, и эту часть семейной истории мы потеряли вместе с ней. Я хочу восполнить эту потерю.

Меир почти никогда не говорила о матери, даже с Хэтти. Она инстинктивно оберегала рану, которую оставила в душе ранняя смерть мамы. Почему она рассказывает Бруно Беккеру о своей личной жизни? Подумав об этом, Меир внезапно осознала, что с самой первой встречи ей ни разу не удалось рассказать о себе Карен. Всегда что-то мешало. Может, дело в Карен? Она как пламя, и рядом с ней все горит только ее огнем. А сейчас непредвиденное стечение обстоятельств – снежная буря, пристанище под монастырскими стенами – побудило Меир откровенно поговорить с мужем Карен.

Она сделала еще один глоток коньяка. У нее почему-то дрогнула рука, и край металлического стаканчика стукнулся о зубы.

– Продолжай, – негромко сказал Бруно.

Она рассказала ему о шали и о том, что ей удалось узнать в Лехе и Чангтанге. Бруно слушал внимательно. Он расслабленно прислонился к стене, но продолжал внимательно изу-

чать ее лицо. Женщина бросила горсть риса в кастрюлю, запах баранины наполнил кухню. Бруно понравилась история о Церинге и его дяде, в особенности его поразило то, что старик сохранил детские воспоминания о радио в доме миссионера.

– Значит, ты идешь по следам шали. И они ведут в Шринагар? – спросил он.

– Да. Правда, не знаю, что там меня ждет, – сказала она и подумала, что главной ее целью будет история той фотографии.

Бруно отвинтил крышку фляги и плеснул в стаканчики еще коньяка. Меир потягивала коньяк и постепенно расслаблялась. День выдался нелегким, от долгой тряски болели все мышцы, особенно плечи и ноги. Бруно покрутил в руках стаканчик, некоторое время он задумчиво смотрел на его полированную поверхность.

– Мне повезло чуть больше. Мои родители живы. Правда, давно в разводе. Мать повторно вышла замуж. Она живет в Женеве, недалеко от нас, обожает Лотос. У отца все хорошо с физическим здоровьем, но совсем плохо с памятью. Мы с сестрой приняли решение поместить его в специальную клинику. Вопреки моим ожиданиям, там неплохо. Перед поездкой я навещал его. Мы сидели на балконе, смотрели на горы и разговаривали. Мы подолгу говорим. Ему нравятся истории о дальних странах, разных людях, хотя он почти ничего не запоминает из того, что я ему рассказываю. Он всегда внимательно слушает меня и кивает. А он напомнил мне, что одна из его подруг – индуска и родом она из Кашмира. Память – странная штука. Папа в мельчайших подробностях помнит, как его подруга и ее мать приехали в Швейцарию после войны, но иногда забывает, кто я. Я пообещал ему навещать ее в Дели.

Меир понимающе кивнула. В последние дни своей жизни ее отец тоже отправлялся все дальше и дальше в прошлое.

– Мама этой девушки, наверное, принадлежала к тому же поколению, что и твои дедушка и бабушка. Она была христианкой, католичкой. Возможно, они даже были знакомы.

– Ты так думаешь? От Леха до Шринагара довольно далеко.

Бруно вздохнул:

– «Довольно далеко» – это в хорошую погоду, сегодня Шринагар так же далеко, как и Южная Америка.

– Я даже не знаю, заезжали ли они так далеко на запад. Но это вполне возможно. – Меир снова вспомнила о фотографии.

– Думаю, можно спросить у друзей отца. Если мы одновременно окажемся в Дели, обязательно зайдём к ним в гости.

Их взгляды снова встретились.

– С удовольствием, – сказала Меир.

Повара наконец закончили готовить ужин. Маленькая девочка разложила еду по жестяным тарелкам и начала раздавать их всем сидящим в кухне. Бруно пошел за своей порцией и по пути посмотрел в окно – узнать, что с погодой. Вернулся он с посеревшим лицом.

– Выбраться будет нелегко, – мрачно произнес он.

Глубокий снег блокирует горные дороги в обоих направлениях. Меир представила, какую работу нужно проделать, чтобы расчистить их. Один из водителей посмотрел на Бруно, пожал плечами и красноречиво махнул рукой.

– Очень плохо. Очень рано, – пробурчал он.

Бруно кивнул.

– Очень плохо, – согласился он и сел на свое место. – Даже в Швейцарии мы испытываем большие проблемы во время сильных и внезапных снегопадов, что уж об Индии говорить.

Вспомнив недавний разговор с Карен, Меир спросила:

– Ты родился в Женеве?

Взгляд Бруно потеплел, он даже придвинулся ближе – наверное, обрадовался возможности поговорить о родине.

– Сейчас я живу в равнинной части Швейцарии. Вынужден был переехать из#за работы. Я инженер. Но мой настоящий дом, мои корни в горах. Родился я в Бернском Оберланде²⁴, рядом с Гриндельвальдом²⁵. Знаешь, где это?

– Нет.

Меир будто выключили. Наверное, у нее случился приступ клаустрофобии. Она почти не слушала собеседника, думая, что находится в крошечном помещении, из которого нельзя выйти наружу. Меир представила себе залитые солнцем альпийские луга и темные ели.

– Расскажи мне.

– Моя семья занималась сельским хозяйством, – начал он. – Летом они выгоняли коров на альпийские пастбища. Зимой там было море снега.

Меир внимательно слушала. Ей было тепло. Бруно рассказывал о своем доме, о мелочах, которые знакомы любому человеку, выросшему в деревне. Конечно же, в каких-то деталях их воспоминания расходились, но у Меир возникло странное чувство, будто она и Бруно провели детство вместе. Бруно очень любил Швейцарию и скучал по родным местам. Он не говорил об этом прямо, но интонация и грустный взгляд выдавали его с головой. Меир вспомнила Уэльс. В этот миг она поняла, что у нее больше нет родного – во всех смыслах этого слова – дома, что в небытие канул важный фрагмент ее жизни.

Бруно рассказал о тайных тропах, которые вели через альпийские перевалы и соединяли долины. В начале девятнадцатого века только фермеры знали об их существовании. Они были бедными людьми, и когда первые туристы начали посещать Альпы, Беккеры и их соседи быстро поняли, что могут стать проводниками и зарабатывать на этом неплохие деньги. До тех пор никто и подумать не мог, что по горным тропам и скалам можно карабкаться только ради удовольствия. Добраться в соседние деревни, чтобы найти работу, или продать сыр, или, возможно, совершить паломничество в отдаленную святыню – такие мотивы были понятны простым деревенским жителям, но альпинизм ради развлечения или абстрактной научной цели – это не укладывалось в их головах. С каждым годом путешественников и ученых становилось все больше и больше. Они поднимались по тропам, которые давным#давно проложили местные, а после триумфального покорения очередной вершины разезжались по домам писать о своих успехах и составлять каталоги находок. Известия о чудесных Альпийских местах быстро разошлись по Европе. Вскоре не только спортсмены и ученые, но и богатые туристы облюбовали этот уголок Швейцарии. Беккеры были первыми среди тех, кто начал предлагать им профессиональные услуги проводников.

– Мой прадед, например, был гидом у Эдуарда Уимпера²⁶, – сказал Бруно.

Меир вынуждена была признать, что ничего не знает об Уимпере. Бруно удивленно поднял брови.

– Англичанин. Он первым взойшел на Маттерхорн, ему помогали проводники из Церматта²⁷. На спуске случилась трагедия, четверо погибли, но сам Уимпер остался жив. Он потом часто приезжал в Оберланд, и всегда его гидом был Кристиан Беккер. В двадцатых годах уже мой дед Виктор продолжил традицию. Он и его клиент попытались покорить северную стену Эйгера. Они попали в страшную бурю. Виктор спас того альпиниста. Другим повезло меньше.

²⁴ Бернский Оберланд – регион Швейцарии, знаменит своими горами, водопадами и курортами.

²⁵ Гриндельвальд – коммуна в Швейцарии, в кантоне Берн.

²⁶ Эдуард Уимпер – английский художник, альпинист и исследователь, первым покорил вершину горы Маттерхорна в 1865 году.

²⁷ Церматт – деревня, один из самых известных курортов в Швейцарии, на юге кантона Вале. Вокруг деревни находится большинство четырехтысячников Пеннинских Альп.

– Ты, наверное, гордишься предками.

– Да, – кивнул Бруно.

– А я почти ничего не знаю про альпинистов, – призналась она, по потом вспомнила кое-что. – В Лехе, на европейском кладбище, я видела мемориальную табличку. Там упоминалась Нангапарбат.

Меир вспомнила название горы, но совершенно забыла имя погибшего.

Бруно пришел на выручку:

– Меттью Форбс. Математик из Кембриджа. Выдающийся молодой человек.

– Ты тоже видел табличку?

– Да, я был там. Экспедицию на Нангапарбат вел швейцарец по имени Райнер Стамм. Это его спас мой дед на Эйгере. После тех событий они стали хорошими друзьями.

Значит, и у нее, и у Бруно были причины посетить кладбище. Похоже, благодаря истории связь между ними стала еще крепче. Может, дело было в снеге или в коньяке, эффект которого значительно усиливался на высоте, но она сейчас представляла, как легонько кладет голову на плечо Бруно Беккеру, а потом прижимается к нему всем телом. Она посмотрела на Бруно и со смешанным чувством удовольствия и страха поняла, что он фантазирует о том же. Она выпрямилась и прислонилась спиной к холодному камню. Бруно тоже сел прямо. Оба принялись внимательно изучать свои тарелки с тушеной бараниной. Меир попробовала блюдо, Бруно последовал ее примеру. Они одновременно ощутили специфический, весьма неприятный вкус баранины. Бруно плотно сжал губы.

– Ты был прав насчет бобов, – хихикнула Меир.

Рис и темно-коричневый дхал²⁸ едва ли можно было назвать съедобными.

– Нужно запить, – сказал Бруно и снова открыл флягу с коньяком. – Теперь твоя очередь рассказывать о себе.

Меир не испытывала в этом затруднений благодаря выпитому коньяку. Она начала с первого, что пришло в голову:

– После смерти отца мы с сестрой и братом решили продать старый дом. Я выросла в этом доме. Непростое решение, но у нас не было возможности присматривать за ним. Мы бы приезжали только на выходные, а все остальное время дом стоял бы пустым. Там было бы грустно, пыльно и куча паутины. Но я до сих пор чувствую связь с этим местом. Сегодня почему-то особенно остро почувствовала.

– Понимаю, – тихо сказал Бруно, – продолжай.

Меир рассказала ему о последних днях в доме. Ни с кем, кроме него, она не решалась говорить об этом. Если кто-то расспрашивал ее, она отнекивалась и уверяла, что все в порядке.

Эйрлис и Дилан ушли раньше. Эйрлис сложила вещи в машину (еле все поместилось), положила папку и список на переднее пассажирское сиденье и уехала первой. Дилан открыл для нее ворота. Эйрлис покинула отчий дом без лишних сантиментов, словно вычеркивая очередной пункт из своего списка. Меир и Дилан остались стоять во дворе. Она посмотрела на гнездо, которое свил дрозд в ветках белой сирени. Дилан взял ее за руку.

– Не грусти, – сказал он.

– Это светлая грусть, – отозвалась она. – Мы были счастливы здесь, правда?

– Ты про детство?

Дом, двор, лужайка перед крыльцом – все напоминало о минувших днях.

Меир сама ответила на свой вопрос:

– Да, очень счастливы, только вот не понимали этого тогда.

²⁸ Дхал (также дал, даал) – традиционный индийский пряный суп-пюре из разваренных бобовых.

Они рассмеялись: в детстве Меир ненавидела жизнь в деревне. Дилан поцеловал ее в лоб и тоже уехал. Меир была рада возможности провести еще несколько часов наедине со старым домом. Она прошлась по пустым комнатам, закрыла все двери. В кухню залетел шмель, Меир выпустила его на волю, а потом сама вышла на улицу, устало прислонилась к каменной стене, окружавшей сад. Она посмотрела на серые стены, на желтые кляксы мха на крыше, на окна, как будто вырезанные ножом в толстых стенах, на весь дом, который цеплялся за склон холма и так долго простоял на этой земле, что издали его можно было принять за обломок серой скалы, торчащий на зеленой лужайке. У Меир осталось еще одно дело. Она перелезла через стену, воспользовавшись тем же выступом, который помогал ей в детстве убежать вместе с Диланом в поля. Она прошла по высокой мокрой траве мимо холма, который облюбовало стадо овец, и направилась прямо к небольшому леску.

Земля под деревьями светилась мягким голубоватым свечением – в эту майскую неделю зацвели колокольчики. Меир нарвала небольшой букет, из поврежденных стеблей сочилось молочко, в воздухе витал знакомый запах. Она завернула стебли в носовой платок. Букет колокольчиков – последнее воспоминание о доме – перекочевал на пассажирское сиденье. В машине дисциплинированной Эйрлис на этом месте лежали папка и список. Несколько минут Меир просто сидела в автомобиле и смотрела на дом и холмы. Затем она завела машину и отъехала от дома, так же, как это сделали ее сестра и брат.

Проезжая мимо деревни, Меир остановилась у кладбища. На противоположной стороне улицы у почтового ящика она увидела Тала Уильямса. Вот уже сто лет его семья обрабатывала поля за старым домом. Он помахал ей сложенной газетой, обветренное лицо мужчины зарумянилось. Двадцать лет назад Меир подарила Талу свой первый поцелуй. Она тоже помахала ему, но он не стал подходить к ней. Тал присутствовал на похоронах Хью (черный костюм и белая рубашка определенно не шли ему), наверное, он догадался, зачем приехала Меир. Она открыла кладбищенскую калитку, прошлась по тихой тисовой аллее. Возле крана, вделанного в стену, она нашла пустую баночку из-под варенья, налила туда воды и поставила колокольчики. Осторожно, чтобы не расплескать воду, она отнесла букет на могилу родителей. Затем села на скамейку и начала в который раз перечитывать надписи на надгробиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.